

Мамара
Цибетова

ЗАБЕРИТЕ МЕНЯ ДОМОЙ

Повесть

– Ты Ангел? – спросила я.
– Да! Я охраняю тебя.
– Значит, ты мой папа, и у тебя есть дом. Тогда забери меня к себе жить, а там и маму нашу найдем, и Асю. Ты ведь летать умеешь, свелху все видишь.

Глава 1. СЕСТРА – МОЯ ВСЕЛЕННАЯ!

Проснувшись утром, я увидела влажные пятна от слез на сбитой в сторону подушке. Мне снова снился сон о далеком и почти забытом детстве – один и тот же сон...

Мне три с половиной года. Я – в детском доме, в комнате средней группы. Ко мне подбегает Ася, моя старшая сестра, сильно взволнованная.

– Тома, пойдем скорей! К нам мама пришла!

Ее голос радостно вибрирует, и волна счастливого события захлестывает нас обеих. Ася обнимает меня и приносит из шкафчика платье и обувь.

Я сижу на стульчике и не могу быстро надеть сандалики, путаясь, где левый, а где правый. Неуклюже пытаюсь их натянуть, но ничего не получается – мешает животик, который не дает сильнее нагнуться.

– У меня лучки маленькие, – капризничаю я, придумывая себе оправдания на ходу.

Мне в эту минуту хочется больше внимания и ласки, и я тяну время, зная, что сестра сделает для меня все, о чем я ее попрошу. Она торопливо, как это делают все старшие дети, помогает, поправляет на мне платьице и целует, целует, затем берет меня за ручку и ведет к маме...

Моей сестре тогда было уже пять лет. Она находилась в том же детдоме, воспитывалась в старшей группе, и ей часто разрешали видиться со мной. Иногда во время тихого часа Ася с подружками приходила в нашу группу. Я чувствовала ее заботу и росла спокойным, послушным ребенком...

Я смотрю на нее снизу вверх, и она кажется мне такой большой и красивой! Меня охватывает чувство гордости и восхищения ею. Я оглядываюсь на моих подружек – мне очень хочется, чтобы они видели, какая у меня сестра, и в этот момент я осознаю, как сильно ее люблю!

По дороге я проявляю любопытство и спрашиваю:

– А наша мама добрая? Ты помнишь, какая у нас мама?

Я смотрю на нее, затаив дыхание, ожидая ответа на свой вопрос.

– Томочка, наша мама – самая добрая и самая лучшая на свете.

Ее глаза в этот момент светятся нежностью и любовью.

– Наша мама плишла за нами, чтобы домой забрать? – картавлю я.

– Маме сейчас трудно, наверное, она пока не сможет нас взять.

Общение со старшей сестрой доставляет мне огромное удовольствие. Крепко

держа меня за руку, она ласково и терпеливо отвечает на все мои вопросы, постоянно обнимает меня, и мы вместе радуемся предстоящей встрече с мамой.

– Какая ты еще глупенькая у меня, совсем ничего не помнишь. Когда папа умер, ты была совсем маленькая, вот такая, – она показала руками, какая я была, и продолжала: – Когда отдали тебя в детский дом, ты совсем не умела ходить. А я потом сюда пришла, через год. Ты была здоровенькая, поэтому тебя взяли первую. Но сегодня я попрошу маму забрать нас домой, – пообещала мне сестра. – Как я соскучилась по дому... – она вытирала ладошкой слезы, струившиеся по лицу. – Когда же нас заберут отсюда?!

Я попала в детский дом совсем маленькой, поэтому не помнила никого из моих родных, и всей Вселенной для меня была моя сестра...

Прошло много лет, но память возвращает, восстанавливая во всех деталях, до мельчайших подробностей день, когда я почувствовала глубокую, светлую любовь к сестре, и яркие моменты, прожитые мною в детском доме.

Глава 2. БОЛЬШАЯ БУЛОЧКА

Я живу в доме малютки. Мне, наверное, четыре с половиной года. На дворе – знойное лето. Наша средняя группа купается в бассейне. Детское веселье кипит, радостные крики и озорной смех перекрывают шум воды и взволнованные голоса воспитателей. Они беспокоятся о нашей безопасности. Июльское солнце нещадно палит, и мои друзья с удовольствием осваивают азы плавания. Восторженные детские вопли выплескиваются за пределы бассейна и разносятся по всей территории детского дома.

Дно бассейна хорошо просматривается, вода теплая, голубая и прозрачная. Она в жару, словно магнит, притягивает к себе детей. Попадешь в бассейн – и нет желания из него выбираться! Не каждый день получаешь здесь столько эмоций. Обычно воспитатели подстраховываются: мало ли что, детей много, за всеми в воде не уследить...

Я тоже учусь плавать, не отстаю от пронырливых мальчишек и повторяю каждое их движение. Вода доходит мне до груди, утонуть невозможно. Разноцветные веселые брызги разлетаются во все стороны, попадают в рот, глаза, уши. Ребятня кричит от восторга, неумело барахтаясь в воде. Зажав нос пальцами, ныряю под воду. Нахожу дно, выныриваю и в этот момент получаю удар по голове.

Прихожу в сознание от того, что кто-то настойчиво меня теребит. Это воспитательница, но вижу я ее как-то смутно, словно за стеклом. Она что-то говорит, но что – понять невозможно. Наконец слух возвращается.

– Томочка, очнись, к тебе мама пришла!

Директор детского дома Екатерина Порфирьевна требовала от воспитателей ласкового отношения к маленьким воспитанникам, и нас учили вежливо обращаться друг к другу: Томочка, Вовочка, Асенька.

Воспитательница надевает на меня нарядное новое платье. Она нервничает, торопится, на ходу причесывает мне волосы и ведет куда-то за руку.

Обычно в красивую одежду детей наряжали в двух случаях: когда приходили фотографы из местной газеты и по праздникам. В начале шестидесятых годов в детских домах на столах не всегда был хлеб, что уж тут говорить об одежде. Все лето для закаливания дети бегали в трусиках, маечках и панамках.

Помню, нас часто фотографировали. У девочек стрижки были под полубокс а у меня – кудри почти до плеч, мне не стригли волосы, потому что из-за моей фотогеничности и артистичности меня фотографировали чаще других. Я часто позировала для обложки местной газеты: то сачком ловлю бабочек, то кормлю рыбок в аквариуме...

Память постоянно возвращает меня, уже взрослого человека, к тем годам, прожитым в детском доме. Многого я, конечно, не понимала, но память фиксировала все.

Как-то нас привезли в большой концертный зал, меня попросили станцевать. Под звуки музыки с удовольствием протанцевав почти два круга, я так увлеклась танцем, что всю размахивала руками и старательно выворачивала ладони. Затем с достоинством поклонилась всем присутствующим и только потом обнаружила, что стою не на сцене, а где-то далеко внизу, в зале, где полно народу – красивых, ярко подкрашенных, шикарно одетых тетенок и толстых дяденек. От неожиданности я сунула палец в рот и громко заревела на весь зал. Аплодисменты долго не смолкали, люди аплодировали мне стоя.

Надо сказать, что все дети в детдоме хорошо пели и танцевали, здесь с малых лет развивали музыкальные способности и приобщали к культуре.

Бывали и другие, порой курьезные, случаи.

Помню, как меня хотела удочерить одна очень красивая дама. На ней был длинный плащ, и от нее пахло дорогими духами. Она весь день, как куклу, носила меня на руках, а когда ей отказали в удочерении, угостила конфетами. Съев немного сладостей, я бережно понесла оставшиеся шоколадные камешки к себе в группу, но бумажный кулечек порвался, и часть конфет высыпалась на дорогу.

За детским домом был пустырь, где местные жители пасли баранов. Мы с подружками еще долго ходили туда и подбирали бараньи камушки, путая их с конфетами, – нам так хотелось найти конфеты, которые я рассыпала в тот день.

А после того несчастного случая в бассейне воспитательница подводит меня к незнакомым людям. Среди них я вижу Асю. Она сидит на скамейке вместе с женщиной, а рядом бегают дети.

Ася радостно машет мне рукой и зовет:

– Тома, иди сюда скорей, наши братья и мама пришли!

Вцепившись в руку воспитательницы, я стою и не двигаюсь. Меня еще подташнивает от воды, которой наглоталась в бассейне. Видя мою нерешительность, меня легонько подталкивают вперед.

Женщина, которую сестра назвала мамой, садится передо мной на колени, обнимает и в исступлении целует в лоб, щеки, нос, разглядывая мое лицо, и часто повторяет одни и те же слова:

– Кызым, менің кызым!

Она вытирает глаза кончиком платка, покрывающего ее голову. Я чувствую знакомый запах степи, лежащей за пределами детского дома.

Мне хочется уйти, оказаться там, откуда доносятся веселые крики моих товарищей, но ко мне подходит Ася и уговаривает остаться:

– Тома, не бойся, это наша мама!

Доверившись Асе, я немного успокаиваюсь, она поднимает меня на руки и сажает на колени женщины, все время повторяя:

– Томочка, ты забыла, вот это – наши братья, – и показывает на мальчишек, бегающих рядом.

Они – загоревшие, почти черные, этих детей я не помню. Женщина открывает сумку, из нее очень вкусно пахнет – наверное, здесь лежат гостинцы, все мамы приносят их. Это пирожки, яички, семечки, пряники, большая булочка с блестящей аппетитной коричневой корочкой, а под ней конфеты – то, что обожают все дети.

– Ешь, доченька, ешь, моя маленькая. Что хочешь, бери!

Она перебирает гостинцы, показывая мне.

– Тебе здесь хорошо, тебя никто не обижает? – спрашивает.

Не зная, что сказать, я отрицательно качаю головой.

– Мама, не беспокойся, мы с подружками часто навещаем Тому, – говорит сестра, все время прыгающая возле нас.

Она ни минуты не сидит спокойно: то бегаёт за братьями, играет с ними в догонялки, то садится на скамейку, чтобы рассказать маме новости дня.

– Конечно, доченька, ты ведь старшая. Тамара совсем еще маленькая. Кто же еще здесь за ней присмотрит? – одобрительно кивает мама.

Воспитатели заранее предупреждали родителей, чтобы те не расстраивали детей. Родные уходили, а дети плакали вечерами в кроватках, вспоминая подробности встречи. Мы с сестрой были в том возрасте, когда ребенок нуждался в родительской ласке каждый день, – и мама вытирает катящиеся по лицу слезы украдкой от нас...

Когда отца, фронтовика Великой Отечественной, кавалера ордена Славы третьей степени, из-за болезни не стало в этом мире, мы умирали от голода. Я подсчитала возраст моей мамы, когда умер отец. Ей было на тот момент 26 лет. Грудного молока у мамы не было, и меня кормили сгущенкой. Зарплата ее была тридцать рублей. Чтобы нас прокормить, она вынуждена была оставлять детей одних на старшую сестру, которой было всего семь лет, и шла на работу. Я еще ползала, ходить не умела. От голода старший брат и сестра заболели туберкулезом. Нас в семье было пятеро погодок, и родственники, видя плачевное положение семьи, решили отдать нас, младших девочек, в детский дом, оставив старшую сестру и двоих братьев дома. Казахские семьи в тяжелые времена часто так поступали, и чтобы сохранить родовой фон, они мальчиков оставляли, а девочек отдавали в чужие семьи или в детские дома. Но об этом я узнаю позже...

Ася обнимает маму и спрашивает:

– Мам, а мам, а когда ты заберешь нас домой? Я столько уже всего умею и знаю!

Мама, заметив порванные сандалии на ногах сестры, говорит:

– Ася, доченька, в следующий раз я принесу тебе новую обувь.

– Мам, ты лучше нас домой забери, не трать деньги зря, они нам пригодятся! – ласкаясь к матери, словно котенок, она вновь и вновь повторяет одно и то же.

Я сидела у мамы на коленях и от робости не могла сдвинуться с места – моя привычная храбрость куда-то исчезла. Хотелось гостинцев, сладкого, но мне было стыдно просить. Я смотрела на конфеты, потом взгляд случайно остановился на булочке. Мама, заметив это, вытащила ее из кулька и вложила мне в руки. Булочка показалась мне огромной, из-за переживаний есть сейчас не хотелось, но от стеснения перед чужими людьми я не могла произнести ни слова.

Потом я ела булочку, а мама обнимала меня, целовала, что-то на мне поправляла, словно хотела запомнить свою маленькую дочь, о чем-то все спрашивала, заглядывая мне в лицо, а я только молча жевала и, надув щеки, глядела в пол.

Сегодня я была маленьким ребенком и находилась в центре внимания. Меня любили мама, старшие братья, моя сестра. Братья баловали меня, носили на руках, обнимали, целовали – они помнили сестренку совсем крохой. Им хотелось со мной поиграть, и они удивлялись белизне моей кожи. Любой мой каприз выполнялся. Но я, забывшая этих детей, их руки, отвыкшая от ласки и внимания, все никак не могла избавиться от робости и просто терпеливо сносила все игры. Никогда не думала, что одному человеку можно уделить столько внимания.

В доме малютки такого внимания нет, и дети быстро взрослеют. Им нельзя оставаться долго малышами – некому их любить, лелеять и оберегать. На тридцать маленьких детей один воспитатель и няня. Бывает, понравится воспитательнице ребенок – и она одного его балует, приносит ему конфеты или берет на руки. Это самая большая щедрость для малыша от воспитателя. Ребенок воображает себя любимцем, ведь на руках носят только мамы. Но любовь эта недолгая, и надежды не оправдываются. Кудрявые волосы, красивые глаза вдруг уже никому не нравятся... Как понять малыша, что он нелюбим?.. Больше всего на свете дети-сироты любят ласку, и именно ее не будет хватать им на протяжении всей жизни. Этот живительный поток в первые годы может дать только мать, от контакта с ней многое зависит в жизни... Все дети хотят быть любимыми, засыпать в родном доме под колыбельную песню мамы.

Когда чужие люди приходили в детский дом, все тянули к ним руки. А вдруг повезет, его приметят, и малыша достанется счастливый билет – он приобретет родителей? Но этого почему-то не происходило.

На улице мы подходили к забору и, если рядом не было воспитателей, вглядываясь в щели штакетника, жалобно подзывали к себе прохожих: «Мама, папа!» Живя долгое время в суровых условиях детского дома, дети так и остаются на всю жизнь недобаюканными, недоласканными и недолюбленными...

...Ася, встав на скамейку и размахивая руками, читала стихи, пела песни, которые мы разучивали на праздники, и даже танцевала. Сестре хотелось понравиться: пусть мама видит, какая у нее умная, способная дочь! Она очень хотела домой.

Асе – шестой год, она на полтора года старше меня. Она – худенькая, а я – пампушка. Она все еще ждет и надеется, что ее заберут домой. Несмотря на то что прошло так много времени, она так же сильно любит семью, не забывая о ней ни на секунду.

Три года. Для ребенка это целая жизнь... Когда был жив отец, сестра была любимой дочерью, выполнялись все её капризы и желания. Ну а что я могла помнить? Для меня родным домом был дом малютки, и меня никуда не тянуло. Я не знала, что это такое – семья.

Иногда поздними вечерами дети, напуганные отсутствием нянечки, оставившей спальню младшей группы, звали родителей, и я, повторяя за всеми, произносила магическое слово «мама» в надежде, что сейчас она придет и спасет меня от пугающей темноты. Приход родителей для нас был праздником, целым событием, которое потом обсуждалось всеми в детском доме, и порой эти дни запоминались на всю жизнь.

Пока мы с сестрой находились с родными, я никак не могла понять, почему моя обожаемая сестра так разошлась.

Мама, чтобы расшевелить меня и вытянуть хоть словечко, все спрашивала:

– Доченька, может, ты тоже хочешь что-нибудь рассказать?

Пряча лицо за огромной булочкой и недовольно надув губы, я снова принималась жевать, усиленно качая ножкой под скамейкой. Помню, во рту все пересохло, и булочка никак не лезла мне в горло, а я все думала, с восхищением глядя на сестру: «Какая большая булочка! Вот съем ее и тоже что-нибудь расскажу». Все, что делала Ася, вызывало у меня восторг и гордость, и мне очень хотелось ей подражать. Рассказывать стихи, петь и просто говорить о чем-нибудь. Но я вдруч напрочь забыла все, что мы разучивали.

Пришло время расставания. Воспитатели, поглядывая на часы, поторапливали. Ася громко заплакала, а потом закричала, не желая уходить от мамы и возвращаться в детский дом. Как ни уговаривали ее воспитатели, успокоиться она не могла. Крики и плач за спиной вызывали у меня недоумение. Мне было непонятно, почему старшая сестра так громко плачет, ведь мама оставила нам вкусные конфеты.

Пройдет совсем немного времени, когда боль потери любимого человека коснется и меня. А сейчас при расставании с родными было лишь щемящее чувство, которое часто охватывает детей тоскливыми вечерами.

Воспитательница, заметив, что я, как и Ася, собираюсь зареветь, сунула мне мамини гостинцы в руки и быстро увела в группу. Через полчаса я уже не могла вспомнить лица мамы, её образ быстро исчезал из памяти, оставляя чувство, напоминающее вкус теплого парного молока.

Многие годы в детском доме я вспоминала этот день и винила себя за то, что очень долго ела булочку и не проронила ни слова. Я теперь знала, что скажу, когда придет моя мама. Я попрошу ее забрать меня домой.

Но в тот день я спокойно уходила к своим маленьким подружкам, с нетерпением ожидавшим моих гостинцев. Все спрашивали, когда мама заберет нас домой.

– Моя мама доблая! Она обязательно нас к себе забелет! – с гордостью отвечала я всем.

Глава 3. НОВОГОДНИЕ ПОДАРКИ И НОЧНЫЕ СТРАХИ

В детском доме тихий час. Все дети спокойно посапывают. Спать не хочется мне одной. В спальне так тихо, что я слышу, как маленькая стрекозка бьется об оконное стекло. На улице листочки опали с деревьев, холодно, вот она и залетела погреться. Мне хочется поймать ее и согреть под одеяльцем, но вставать нельзя. Опустив под кровать руку, я нащупываю на полу свои тапочки. Достая один, слюнявлю пальчик и начинаю рисовать на подошве. Пальчики пухлые, но я стараюсь, и у меня вмещается здесь целый дом. Рисовать во время тихого часа на тапочках было обычным занятием детей, когда спать не хотелось. Подошва быстро высыхает, и мой рисунок исчезает.

В спальню входит воспитательница. Заметив, что я не сплю, прикладывает палец к губам, показывая жестом, чтобы я не мешала спать другим детям. Потом присаживается на край моей кровати и шепотом спрашивает:

– Томочка, ты почему не спишь?

Прищурив глазки, я капризно отвечаю:

– Мой животик болит, он мне спать не дает.

Она улыбается и тихо говорит:

– Давай я попрошу твой животик не болеть.

Я смотрю на нее, такую красивую и обаятельную, и киваю ей. Она, приподняв пижаму, начинает массировать мое тельце мягкими движениями, тихо напевая:

– Вот сейчас наш животик перестанет болеть, и Томочка заснет. Поворачивайся на бочок, положи ручки под голову и закрывай глазки!

Я чувствую тепло ее рук и погружаюсь в сон. Мне снится мама. Лица её не вижу, но чувствую нежный, полный заботы взгляд. Одной рукой она меня поддерживает, а другой поглаживает мой животик. От мамы вкусно пахнет! Для меня сейчас в этом запахе весь мир. Ее мягкие руки убаюкивают. Я слышу, как она поет. Вдруг кто-то, громко смеясь, большими ручищами подкидывает меня вверх. Я лечу и вижу их двоих – красивых и веселых. Наверное, это мои папа и мама. Они оба мне улыбаются. От высоты захватывает дух, мне кажется, что я падаю. Я вскрикиваю – и просыпаюсь...

Накануне в детском доме прошли новогодние праздники. Всем детям Дед Мороз принес подарки и спрятал их под ёлку. В подарках много конфет, пряники, вафли, печенье, по одной шоколадке и по одному яблоку и апельсину. Дети наслаждаются от души, тут же на ходу меняясь конфетами. Заметив, что мы переели сладостей и больше не можем на них смотреть, воспитательница собрала то, что осталось от подарков, в один большой эмалированный таз и поставила его на кухонный сервант. После праздников шоколадные плитки делили на несколько частей и давали нам на полдник.

Волны вкусного запаха от новогодних подарков доходят до детской спальни. Днем это не ощущается, но наступает ночь, и сочные яблоки и апельсины начинают источать неповторимый аромат. Он будоражит мои чувства и не дает уснуть. Я пытаюсь угадать, какие конфеты еще остались, распознать их по запаху. Особо ярко выделяются карамельный барбарис, шоколадные конфеты «Мишка на Севере» и «Аленушка». Сильно пахнут вафли. Вообще-то я ем только верхнюю, хрустящую корочку от вафельки, начинка не нравится – слишком приторная. А вот большой плиточный шоколад ни с чем не спутаешь, я бы его с удовольствием съела! Конфеты так и просятся в мой животик. Что же мне делать с моим носиком? Может, его одеялом закрыть?

Как же я люблю новогодний праздник! Как мне хочется конфет! Я уже большая, мне четыре года, я смогу дотянуться до тазика, если встану на стульчик. Как любит говорить наша воспитательница – надо подумать!

Ночью меня будто кто-то будит. Я иду в кухню, подхожу к серванту, встаю на стульчик и дотягиваюсь до заветных подарков. Достаю конфет столько, сколько могу съесть. Бумажные фантики прячу под подушку. Утром об этом происшествии я забываю. Детям в этом возрасте свойственно забывать то, что происходит с ними ночью. Эта история повторяется, пока мне не надоедает прятать конфетные обертки. Теперь я просто бросаю их под свою кровать. О моих ночных похождениях быстро догадываются соседки по кроватям, и уже вместе за пару ночей мы опустошаем конфетные запасы наполовину, пока воспитатели не спрячут их подальше от наших глаз. Старенькая нянечка баба Шура, убиравшая в спальне, наверное, догадывалась, чьих рук это дело, но меня, как и других детей, за конфеты не ругали. А может, я просто не помню? Детская память коротка, с течением времени негатив стирается.

Вскоре от сладкого у меня загноился средний палец руки. Вся группа, увидев мой перебинтованный и увеличившийся от этого пальчик, с любопытством спрашивает о моих ощущениях. Мне это нравится, я чувствую себя знаменитостью и демонстрирую всем марлевый кокон, подробно объясняя друзьям и взрослым, как сильно он болит.

Воспитатели, завидев меня, задавали вопрос;

– Ну как, Томочка, сегодня пальчик не болит?

Я с гордостью показываю всем свою повязку.

– Смотрите, какой большой, значит, болит! – уже важничала я, пользуясь своей привилегией больной.

Няечки детского дома укладывали детей спать и, если мы засыпали крепким сном, уходили домой на всю ночь, оставляя в коридоре свет. Дети лежали тихо-тихо, боясь шевельнуться. Находясь здесь с первых дней своей жизни, они знали, что если никого нет из взрослых, то хоть закричись, никто не придет. В спальне у малышей всегда тихо, как будто никого там и нет. Были такие дети, которых ночью надо будить, и если их не будили, они, боясь темноты, писались в постельку. А я не боялась темноты, я просто закрывала крепко глаза, чтобы не видеть пугающие тени, бродящие между нашими кроватками, и старалась быстро заснуть.

Как-то поздней ночью отключилось электричество. Не найдя взрослых, две группы детей, от трех до шести лет, напуганные темнотой, выбежали на улицу. Вдали в поселке горел свет. Мы дрожали от страха в ночной степи, не зная, что делать. Вернуться обратно, в крошечную тьму детской, никто не осмелился, а идти в поселок через черную степь – далеко и опасно.

Старшая группа окружила нас, пытаясь успокоить, но, видя испуг в их глазах, все стали только громче плакать и звать на помощь родителей.

– Мама, мама! – кричали напуганные дети.

Помню, было очень страшно. Около шестидесяти детей стояли в степи и захлебывались плачем. Это было жуткое зрелище, и из моей памяти оно до сих пор не стерлось.

Шум слышали местные жители, жившие через колхозное поле, и на лошадях прискакали к нам на помощь...

Вспоминая этот случай из своего детства, я все время задумываюсь, почему в ту ночь мы звали родителей, ведь многие из нас ни разу их не видели. Наверное, все в мире малыши в момент опасности зовут на помощь своих мам, вне зависимости от того, есть они у них или нет.

Однажды ночью меня разбудил детский плач. Я встала и в темноте пошла на звук. Пройдя из спальни в группу, поняла, что плачут где-то на кухне. Звук шёл из кухонного шкафа. Открыв его, я увидела Оленьку. Она, плотно закрыв лицо ладошками, пряталась от кого-то.

Не выходя из сонного состояния, я спросила:

– Почему ты плачешь? Не бойся. Пойдем спать!

– Я никуда не пойду. Мне очень страшно, – ответила Оленька.

Девочка на уговоры не реагировала. Она появилась здесь недавно. Наша ровесница была нездоровой на вид. Помню частую одышку и синие круги под глазами. Оля просидела в шкафу всю ночь, я же уснула рядом. Утром ее увезли в больницу. Позже из рассказов детей я подробнее узнала о ночном происшествии.

В старшей группе воспитывался мальчик по имени Олег. Ночью ему в голову пришла мысль напугать девочек из средней группы. Проникнуть к нам было легко – через кухню был проход в нашу спальню. Олег подходил к кроватям девочек, будил их и страшно закатывал глаза. Не все на это реагировали, некоторые просто со сна не понимали, в чем дело. А одну девочку он все же напугал. Это и была наша новенькая, Оля.

Мальчика после этого случая отправили в интернат для детей с задержкой психического развития, и мы больше Олега не видели, а Оленька из больницы к нам так и не вернулась. Сказали, что не выдержало ее сердце. Что это значило – мы еще не понимали.

У нас часто что-нибудь происходило по ночам. Днем, находясь под неусыпным надзором воспитателя, дети все время подчинялись чьей-то воле, – о том, что у ребенка есть свое желание, никто не думал. Кто с чужим ребенком будет возиться? Воспитатель, чтобы успеть уложиться в рамки своих обязанностей, скорее даст подзатыльник, и малыш в страхе, что он будет наказан, сделает все, что от него захотят.

Поэтому в ночные часы просыпалась неконтролируемая фантазия, происходил всплеск необъяснимых поступков, и ребенок поступал вопреки здравому смыслу, вопреки всему, чему его учили. Дети рисовали красками на столах, раскидывали игрушки по комнатам, путали детские поделки, которые сами собирали старательно днем, пачкали и рвали книжки, писали, какали, один раз даже выкинули свои подушки и длинную половую дорожку через окно второго этажа.

Ребенок днем находился под постоянным прессом, и такое неосознанное поведение было знаком протеста психики против частого насилия над волей.

Глава 4. СТАРАЯ КАРУСЕЛЬ

На границе детского дома стояла карусель, мы часто на ней катались, туда же приходила покататься и вся местная ребятня. Из-за долгой эксплуатации и неправильного использования корпус карусели сильно накренился. Словно большая каракатица, при раскручивании переваливалась она с одного бока на другой, сиденья приподнимались вверх и затем опускались, вращаясь еще и вокруг своей оси. Детям это нравилось, нам казалось, что мы плывем по волнам, правда, очень медленно. Старая карусель скрипела так, что ее унылый, растянутый, как у гармошки, звук было слышно по всей округе. Деревянный настил местами превратился в прогнившую труху и в одном месте держался на честном слове.

Вот и в этот раз во время прогулки мы не смогли удержаться от соблазна и упростили воспитательницу нас покатать. Рассадив всех по сиденьям и запретив нам вставать во время катания, она, ухватившись за поручни одного из сидений, раскрутила карусель и отошла к остальным детям.

Немного покатавшись, я решила проявить самостоятельность – карусель двигалась медленно, и мне это не нравилось. Поднявшись со своего места, я попыталась шагнуть, но удержалась и потеряла равновесие. Сгнившие доски подо мной хрустнули, и я полетела вниз. Внезапно оказавшись в полной темноте, я почувствовала, что лежу на дне между опорами, ведущими к стержню карусели.

Помню охвативший меня дикий ужас. Ржавого цвета доски стремительно проносились надо мной, а я, зажатая со всех сторон, словно оловянный солдатик, не могла пошевелиться. Мою голову тянуло вверх, к крутящейся карусели, и я явственно ощущала, как миллионы острых колючек от балок разрывают одежду и впиваются в кожу. Доски основания карусели то исчезали в круговороте, то вновь возвращались, опускаясь все ниже и ниже, все сильнее царапая тело и давя своим весом. Кричать и звать я не могла, рот был забит мусором, сыпавшимся сверху. Страшная машина крутилась надо мной, угрожая разорвать на части, и мне казалось, что она никогда не остановится... Слышались крики детей, зовущих взрослых на помощь.

Наконец карусель остановили. Белая, как скатерть, воспитательница освободила меня из плена. Обезумевшая от страха, я отчаянно кричала, и никто не мог меня успокоить. Разодранная одежда свисала грязными клочьями, опутанными столетней паутиной и прилипшими пожухлыми листьями. Стояла холодная осень, мы были тепло одеты, – наверное, это и спасло мне жизнь. С подбородка хлестала кровь – лицо было единственным не защищенным одеждой местом. По окровавленным щекам что-то все время ползало, усиливая чувство ужаса. Запаниковавшая воспитательница растерялась, не зная, как мне помочь.

Мимо проезжал чабан на коне. Услышав крики плачущего ребенка, подъехал к нам. Увидел меня, всю окровавленную, поднял, чтобы успокоить, и, обняв, посадил на лошадь. Затем достал из кармана конфету и вложил в руки. Еще всхлипывая от перенесенного страха и боли, я переключилась на сладости, не замечая кроме них ничего. А дальше – провал...

Вернувшись через несколько дней в детский дом, я не помнила, что со мной было. Случай с каруселью просто выпал из моей памяти.

Жизнь продолжалась, мне было хорошо с друзьями. Я опять стала жизнерадостной и любопытной девочкой. Основание карусели отремонтировали, заменив старые доски на новые, и мы снова катались. Наша единственная забава, которую нельзя было спрятать в шкафчики под ключ после ухода очередной комиссии, как это делали с новыми игрушками, продолжала делать нашу сиротскую жизнь чуточку радостней.

Держась за жизнь обеими руками, мы жадно вглядывались в незнакомый мир за окнами нашей детской, и нам хотелось скорее вырасти.

Как-то случайно, взяв в руки зеркало, я обнаружила на подбородке старые рубцы. Перед глазами, как в далеком сне, пролетели больничная палата, уколы, боль и отчаянье. Но это больше не имело для меня никакого значения.

Что могла сделать воспитательница, повторись этот случай, вновь? Ничего. Она за всеми детьми все равно не уследит.

Вот если бы она была моей мамой, я бы никогда не оказалась на этой карусели...

Глава 5. ДВЕ БЕРЕЗКИ, ДВЕ СУДЬБЫ

Наша детская площадка находилась у невысокого холма. Это было место, куда любила приходиться моя старшая сестра. Отсюда открывался хороший обзор, а еще здесь росли две кудрявые березки. Мы называли их «близняшками» – они стояли рядом, и различить их было трудно.

Ася часто сидела возле одной из березок, наблюдая, что происходит внизу. Воспитатели не возражали, если я поднималась к сестре, – с площадки нас хорошо было видно.

– Меня папа очень любил. У нас дома был огород, там росли помидоры и огурцы. Я срывала их, откусывала и выбрасывала. Отец ругал за это брата, думал, что это он балуется, – делилась воспоминаниями сестра.

Мне хотелось играть, и я торопилась к своим куклам.

– А вдруг сегодня мама придет? Давай подождем, – с надеждой в голосе просила Ася.

– Ты сама подожди тут, а я играть хочу. Маму мы здем, здем, но она все не плходит, – отнекивалась я, убегая.

Сегодня Ася задерживалась. Когда сестра, запыхавшись, прибежала, я уже собралась уходить. Она обняла меня и подошла к воспитательнице.

– Алла Алексеевна, я прощаюсь с Томой?

– Конечно, ведь вашу группу сегодня увозят. Тебя ведь Асей зовут? Ну надо же, как вы похожи друг на друга, как две капли воды, и глаза голубые, и кудри у обеих, совсем вас не различишь, только ты, Ася, худенькая, а Тамара чуть упитанней, – улыбаясь, сказала Алла Алексеевна.

Эту фразу, что мы с сестрой очень похожи, я запомнила и хранила в своей памяти долгие годы, пока вновь не встретила Асю.

Сестра присела и, держа за руки, стала быстро говорить, глядя мне в лицо:

– Тома! Нас увозят в другой детский дом, я пришла с тобой попрощаться.

Я наивно спросила:

– А ты завтла плидешь?

– Нет, не смогу. Нам сказали, что это очень далеко. Меня отпустили, чтобы я попрощалась с тобой. Я теперь буду учиться в школе, пойду в первый класс, – с гордостью произнесла Ася.

– А ты меня с собой не возьмешь?

Я стала хныкать, стараясь вызвать у нее сочувствие.

– Нет. Екатерина Порфирьевна не разрешает. Сказала, что ты еще маленькая, и в школу тебя пока не возьмут... Томочка, ты запомни, что у тебя есть я и мама. Я обязательно буду приезжать к тебе, – торопливо говорила сестра.

Я заплакала. Подошла наша воспитательница Алла Алексеевна, и они вместе с сестрой стали меня успокаивать.

– Завтра мы перейдем в старшую группу, и ты будешь жить в комнате, где жила Ася.

– Да, Алла Алексеевна, отдайте мои игрушки Томе, – переживая за меня, напутствовала сестра, – и, пожалуйста, присматривайте за ней, чтобы никто ее здесь не обижал.

При этих словах во мне вдруг проснулся дикий страх – я поняла, что теряю сестру. Бросив кукол, я вцепилась в нее и стала кричать:

– Мне не нужны твои иглушки, я не хочу, чтобы ты уезжала!

Шофер просигналил, напоминая, что машина вот-вот тронется. Сестра, обняв меня на прощание, быстро побежала. Не желая расставаться с Асей, я бросилась за ней и, неуклюже споткнувшись, упала в яму.

– Ася, Асенька! Не беги!

Ко мне подошла воспитательница и стала стряхивать пыль. Оттолкнув ее руки, я громко рыдала:

– Помогите, помогите догнать Асю, она хочет оставить меня здесь одну! Помогите мне, я вас умоляю!

Мой голос быстро осип от надрывного крика. Как долго Алла Алексеевна шла к машине...

Этот тяжелый момент я не забуду никогда. Я так боялась потерять сестру! А моя воспитательница, казалось, совсем, не торопилась. Вытирая слезы, застилавшие глаза, я злилась за ее нерасторопность и тянула из последних сил, а она все оглядывалась на оставшихся за нашими спинами детей. Мне хотелось бежать самой за Асей, но куда – я не знала.

– Аллалексевна, сколей, сколей! – захлебывалась я в крике и тащила ее за платье. – Сейчас моя Ася уедет, и я больше никогда ее не увижу!

За воротами детского дома стоял грузовик. В нем рядами на лавочках уже сидели дети из старшей группы. Заметив Асю, я стала ее звать, но из-за шума за-

водившейся машины меня никто не слышал. Обычно провожать близких сиротам не разрешали, детей увозили тихо и незаметно, чтобы не травмировать детскую психику. А в этом году старшая группа настояла на прощании со своими младшими братишками и сестренками.

Провожавших было много: дети разных возрастов, в том числе и малыши, воспитатели, нянечки, которые любили своих воспитанников.

Все произошло молниеносно, так что мы не успели сразу осознать всей горечи нашей огромной потери. Машина уехала, растворившись в дорожной пыли. На ступила тишина, прерывавшаяся редкими детскими всхлипываниями. Воспитатели быстро уводили воспитанников, обещая, что, когда они подрастут, то обязательно встретятся со своими родными.

Малыши успокаивались, думая, что завтра все снова будет как прежде, не понимая, что им говорили. Не понимая, что над их чувствами кощунственно надругались, что сегодня по отношению к ним свершилась чудовищная несправедливость. Произошла трагедия, разъединившая детей на долгие годы... Никто из нас не знал, что жизнь разбросает всех по разным детским домам, что мы потеряем связь с родными, забыв об их существовании. Асю я снова увижу лишь в четырнадцать лет.

В тот день грузовик увез самых близких и родных нам людей, и мы опять были обездолены. Ася была для меня всем: она заботилась обо мне, отдавала самое лучшее, баловала, защищала, любила. Я потеряла самое дорогое, что у меня было, осиротев в один день. Во мне все бунтовало, искало избавления от безысходной тоски, из меня словно вынули душу. Не хотелось никого видеть и признавать. С меня спала пелена спокойствия и безмятежности, я теперь не желала здесь больше оставаться. Я убежала за ворота и не знала, где искать мою сестру.

Меня возвращали, уговаривали, наказывали, ставили в угол, но это было бесполезно. Все во мне изменилось. Я стала капризной, упрямой, несносной. Меня теперь никто не узнавал. Вставая утром раньше всех, я торопила воспитателей, чтобы поскорее вывели на прогулку. Другие дети спокойно играли, а я настойчиво продолжала приходить к березкам, надеясь встретить там свою Асю.

Упрямство мое стало невыносимым, и, чтобы успокоить меня, как-то подошла директор детского дома.

– Томочка, потерпи немного. Вот как только вырастешь, ты тоже уедешь учиться в школу и обязательно встретишь там Асю.

– Екатерина Полфильевна, почему Асю увезли? Где мои лодители? Почему мы здесь?

Она долго думала, не зная, как мне ответить.

– Я думаю, вы особенные дети, и ваши родители сейчас смотрят на вас с небес. Я знаю, что у каждого ребенка есть свой ангел-хранитель. А твоей сестре надо учиться, она уже большая. Тамара, когда ты подрастешь, тоже уедешь и будешь ходить в школу.

– Значит, там я увижу Асю?

– Да.

Мне не хотелось быть особенной, хотелось только одного – чтобы Ася была рядом.

Днем я заснула и увидела сон. Я кого-то ждала возле березок. И вдруг появился человек с большими белыми крыльями за спиной.

– Ты Ангел? – спросила я.

– Да! Я охраняю тебя.

– Значит, ты мой папа, и у тебя есть дом. Тогда забели меня к себе жить, а там и маму нашу найдем, и Асю. Ты ведь летать умеешь, все видишь.

– У меня таких полномочий нет. Но я обещаю тебе, что всю жизнь буду оберегать тебя!

Я опять заплакала.

– Не плачь, мой малыш, когда твои крылья вырастут, ты всех найдешь и будешь счастлива.

Как-то мне принесли письмо от Аси, сказали, что специально съездили к ней в детский дом. Она писала мне, что с ней все хорошо, она учится в первом классе, сильно по мне скучает, любит и скоро меня навестит. Письмо написала ее воспитательница, а Ася ей диктовала. Я продолжала ждать. Время тянулось медленно, но сестры все не было.

Однажды я спросила свою воспитательницу:

– Деревья уезжают?

– Деревья не могут передвигаться, у них вместо ног корни, они нуждаются в земле, без нее они погибнут.

Березки стояли рядом, нежно касаясь друг друга ветвями, их маленькие листочки, казалось, светились от счастья. Я загляделась на них.

– Почему я не родилась деревцем? – мечтательно протянув, задала я вопрос Алле Алексеевне.

В ответ я услышала:

– Твоя судьба, Тамара, вырасти и стать человеком!

Повзрослевшая за эти дни, я с горечью ей ответила:

– Это очень больно – быть человеком, особенно маленьким.

Глава 6. ДЕТСКИЙ ДОМ № 6

Быстро пролетело время, и теперь уже нашу группу увозили в другой детский дом. Теперь мы будем ходить в школу. Нас, одетых в новую и красивую одежду, посадили в грузовик, рядом сели наши воспитатели, и машина тронулась. Сначала все были в восторге от поездки. В дороге мы с интересом разглядывали чистые асфальтированные улицы и городские пятиэтажные дома. По всей дороге фонари. Все было для нас новое, только клумбы с розами напоминали о детском доме. Машина все везла и везла нас в незнакомое место. Дети, устав, притихли. Кто-то стал хныкать и проситься назад. Нас впервые вывезли куда-то далеко. Вдруг, осознав, что больше мы не вернемся в наш детский дом, все громко заплакали.

Чтобы как-то отвлечь, воспитатель стала рассказывать о городе, о его особенностях, но ее уже никто не слушал, пугающий страх перед неизвестностью не давал никому покоя. Наконец к полудню наша машина подъехала к большим воротам. Водитель посигналил, и те медленно отворились. Мы оказались на территории детского дома № 6. Увидев незнакомых людей, мы опять стали плакать. Нас стали высаживать с грузовика. Взрослые, что стояли рядом, поднялись на борт грузовика, брали на руки по одному ребенку и передавали осторожно тем, кто стоял внизу. Подошли дети постарше. Все они были одеты примерно в одинаковую одежду, отличались только по цвету: мальчики – в голубое, а девочки – в желтое. Стрижки также были одинаковые, только у девочек волосы были чуть длиннее.

Нас покормили, а затем выделили отдельное помещение. Воспитатели, попрощавшись с нами, уехали.

Это был детский дом № 6 города Чимкента. Шел 1968 год.

Детский дом находился в самом центре города. Его территория была огорожена двухметровым деревянным забором. За ним метрах в ста возвышались пятиэтажные дома, и жителям была видна вся повседневная жизнь детского дома.

У каждой группы был свой участок, столовая и игровая площадка. Заканчивалась территория детского дома садом и огородом. В июне воспитанники переходили на летний режим: огромной буквой «П» ставилась палатка, и дети спали на открытом воздухе, а к осени кровати и постельные принадлежности вновь переносили в помещения. На тот момент воспитанников в детском доме было девяносто человек, по возрасту они были разделены на три группы – старшую, среднюю и младшую.

Здание нашей группы стояло в сторонке и имело одно преимущество: у нас под окнами рос маленький сад из четырех стареньких яблонь, что придавало казенной обстановке немного тепла и домашнего уюта.

Утром подъем в 7.00, зарядка 15 минут, заправка постели, умывание, уборка территории, завтрак – и не опоздать в школу ровно к 8.00. Школа находилась в 15 минутах ходьбы. С прежним детским домом № 3 жизнь нашу не сравнить. Здесь с нами не возились. Каждый гладил свою школьную форму, чистил обувь, пришивал пуговицы, убирал за собой. Ежедневно назначались дежурные по территории, столовой, уборке помещения. И нужно было уметь подчиняться беспрекословно. Силой меня ничего нельзя было заставить, а ласку здесь не знали. После школы – обед, уроки, ужин и спать точно в 21.30.

Мы, шестилетние малыши, тяжело привыкали к суровому миру взрослых, в том числе старших детей. Детдомовский режим был, как в колонии. Здесь за спиной воспитателей всем управляли старшие воспитанники. Так было удобнее поддерживать дисциплину в детских домах. Дети, не знающие ласки и любви, – это самые беспощадные воспитатели. Нужно было все успеть, и мы, шестилетки, работали наравне со старшими детьми. На возраст скидки никому не было. Не успел – получаешь подзатыльник. Я была неуклюжа и все делала очень медленно. С моим упертым характером никто не мог сладить, а без вежливости, к которой я привыкла, сдвинуть меня с места было невозможно.

Мне, наивному, доброму ребенку, хотелось ласки и тепла. Сколько слез я пролила – помнят только стены детского дома. Били каждый божий день, кажется, не было дня, чтобы я не плакала. Дети в детских домах не плачут, как обычно, они кричат от боли и несправедливости или громко режут, чтобы хоть кто-то услышал и заступился за них. Меня за мой ежедневный рев называли «белугой». Бедный мой отец, наверное, каждый день переворачивался на небесах... Нельзя было много баловаться, задавать вопросы, возмущаться – за это наказывали бесконечно. Опоздал – вызывают на линейку и перед всеми отчитывают, и ладно бы только перед своей группой. Но постепенно человек ко всему привыкает, даже ребенок.

Помню, как я отказалась подчиняться старшекласснице Уле и не стала заправлять ее кровать. Она взяла три тома книг и изо всей силы ударила меня по голове. Это произошло накануне моего дня рождения. Как мой череп не развалился?! Но мне все же исполнилось восемь лет. В нашей группе была Аня Дубовицкая. Вот ей мы завидовали. Когда ей на спор выкручивали руки, проверяя выдержку на боль, она умела каким-то образом подавить в себе чувствительность. Потом Аню всю трясло, у нее падало давление, и ее увозили в больницу. Что тут поделаешь? Каждый из нас защищался от жестокости, как мог.

Какая бы ни была ситуация, а я не выносила пренебрежительного отношения к себе. Таков был мой характер, и от него никуда не денешься. Никуда свою непереносимость к несправедливости не спрячешь, все равно вылезет. Если били, я кри-

чала, плакала, сопротивлялась до потери сознания, но не сдавалась. Многие дети подчинялись силе, а я шла напролом, не позволяя никому издеваться над собой. Научившись давать сдачи, дралась с каждым, кто хотел обидеть. Когда подросла, меня уже лишний раз старались не трогать, говорили: «На ней где сядешь, там и слезешь». Наивность и доверчивость здесь быстро исчезали, мы ожесточались и других не жалели.

Вскоре к нам в группу стали поступать новенькие. Сначала появилась девочка, звали ее Галей Шмык¹. Вид у нее в первое время был потерянный. Галю нашли сидящей на дороге возле погибших родителей. На ее глазах родных сбил самосвал. Части тел разбросало по всей дороге. Она помнит, что у мамы не было черепа, и она никак не могла найти его, чтобы закрыть мозги маме. Долго не могла прийти в себя и забыть эту страшную картину. По ночам кричала, плакала, звала маму с папой, потом потихоньку стала этот жуткий кошмар забывать. Детская среда лучше всех лечит израненные души.

Потом появился мальчик Сережа, его нашли на вокзале. Фамилии своей он не знал, и ему дали фамилию Неизвестный. Первое время он постоянно хотел есть. Мы сидели за одним столом и часто пользовались этим обстоятельством, незаметно меняясь с ним тарелками. Он быстро съедал свое, а потом принимался за наши порции.

Затем привезли Гену Параитиди, настолько черного от грязи, что, когда его купали, кожу оттирали кирпичами. Учился Гена в моем классе. Был сообразительным и способным. Математику все списывали у него. Примеры и задачи щелкал как семечки, первым выполнял домашние задания и бежал играть на улицу, а мы с завистью смотрели ему вслед.

Нашу группу пополнили и другие дети. Из семьи Фаисовых Гулю вместе с сестрой Галей оставили у нас, а младших детей, братика и двух сестреноч, отправили в младшую группу. На глазах у старшей дочери отец отрубил голову матери. Гуля успела спрятать всех детей под кровать и держала там, пока пьяный отец не уснул. Помню ее частые, нервные срывы на тех, кто попадал под ее плохое настроение. А оно у нее менялось каждые полчаса... За долгие годы в детском доме она ничего не забыла. Трагедия жила в ее памяти всю жизнь.

Были у нас дети-отказники, подкидыши и найденныши. В детском доме жили необычные дети. У многих воспитанников были фамилии и имена знаменитых людей – ученых, писателей, летчиков, космонавтов: Рита Титова, Наташа Елисеева, Оля Ковалева. У одной девочки на тыльной стороне ладони синими чернилами была вытатуирована буква «К», звали ее Куляш. Родной дядя выжег эту букву, чтобы не потерять девочку, а сам забыл о ней навсегда. Мало у кого из нас были живы родители. Почти каждый ребенок, который находился на попечении детского дома, получил в жизни сильнейшую психологическую травму или пережил страшную трагедию.

Глава 7. ШКОЛА

Школа № 15 в Чимкенте носила имя Надежды Крупской. Находилась она за речкой Качкарата. Это была самая лучшая школа в городе, и так как она была рядом с детским домом, мы ходили учиться в эту школу.

¹ Все имена героев повести изменены по этическим соображениям.

Помню первое сентября. Мы нарядно одеты, белые рубашечки, бантики, на ногах гольфы. Мы впервые идем в школу. По дороге шагают счастливые дети со своими мамами и папами, и у всех в руках букеты цветов. Играет музыка. Школьники заходят в фойе. В чистых коридорах всюду запах краски и свежей побелки. Учительница стоит у доски и что-то объясняет всем первоклассникам. В классе быстро становится душно, и лишь только раздается звонок, все с удовольствием бегут домой. Но на выходе много людей, и мы теряемся. Не зная, что делать и куда идти, принимаемся реветь во весь голос. Учительница подводит нас к воспитательнице, она собирает всех своих первоклассников у дверей и ведет домой. Не помню восторга – наоборот, было такое чувство, что у тебя опять отнимают свободу. Разница только в том, что за речкой – детский дом, а здесь – школа.

В те годы школьники пользовались перьевыми ручками и чернильницами-непроливайками. Нам заливали чернила в чернильницы, и мы ставили их в свои портфели. В первые учебные дни нас сопровождали воспитатели, объяснявшие, как нужно себя вести в школе и как аккуратно нести свои портфели, чтобы чернила не разлились. Когда мы наконец запомнили дорогу домой и научились возвращаться самостоятельно, воспитатели больше нас не сопровождали. Мы сами приходили и уходили вместе, чтобы не потеряться в дороге. Нас было видно за версту: наши руки, лица, белые рубашки и даже портфели – все было выпачкано чернилами. Влетало каждый день. Воспитатели мучились с нами долго, пока не научили все делать аккуратно. Не было дня, чтобы мы вернулись хотя бы относительно чистые. Карандашей и деревянных ручек хватало дня на три, не больше: они были обкусаны и изъедены до самых перьев.

В каждом классе училось по четыре человека из группы. Детдомовских детей узнавали издали, дразнили и показывали пальцами в нашу сторону:

– О, глядите! Детдомовские идут!

Словно видели перед собой не детей, а животных в зоопарке. Потасовки с домашними детьми происходили постоянно, пока все друг к другу не притерлись и не усвоили, что лишний раз к нам, детдомовским, лучше не придирается, только себе дорожке выйдет. Каждый из нас мог за себя постоять. Но домашние дети были совсем другими. Для нас это были чистоплюи, и казались они нам слабенькими и ранимыми.

Запомнился один случай, который запал мне в душу, и я долго его не могла понять. Мы возвращались домой, и с нами вместе шли мама с дочерью. Тут мать заметила чернильное пятно на блузке своего ребенка. От досады за неаккуратность она стала ругать свою дочь.

– Какая же ты неряха! Я работаю весь день, чтобы одеть и обуть тебя! Как тебе не стыдно, почему ты не жалеешь мой труд?

Девочка, чувствуя свою вину, плакала и оправдывалась:

– Мамочка, не ругайся, пожалуйста. Я постараюсь больше не пачкать свою блузку. Ты только не расстраивайся.

Мать продолжала сердито подталкивать дочь и выговаривать свою обиду. Я шла за ними и смотрела с удивлением, широко раскрыв глаза. Меня поразила реакция нашей отличницы, я не понимала, почему она плачет. Ее ругают, а она еще мать успокаивает. На ее месте я ни слезинки не обронила бы, как бы больно ни было. Какие же они нежные, эти домашние дети, чуть что – плачут...

Тогда я не знала цену блузке. Девочке с молоком матери было привито чувство любви, понимания и сострадания родному человеку. Мать учила ее бережливости и экономности, преподнесла урок, который она запомнит на всю жизнь.

Если бы у каждого из нас были такие учителя! Став взрослыми, выпускники остались детьми в этом мире. Не было житейского опыта, мудрой родительской опеки, жизненной интуиции и элементарных навыков выживания. Выйдя за пределы детского дома и начиная свой самостоятельный путь, они сталкивались с повседневными трудностями, к которым совершенно были не готовы. Память о жизненно важных навыках была чиста, как белый лист бумаги, и чтобы решить свои проблемы, они доверялись первому встречному, что только приводило к печальным последствиям и усугубляло их и без того непростое положение. Не выдержав экзамен на прочность многие воспитанники детского дома оказались у обочины жизни, словно выброшенные слепые котят.

Глава 8. НЕНАПИСАННОЕ СОЧИНЕНИЕ

Жизнь в детском доме была насыщенной, отдыхать почти не удавалось: строгий режим, школа и подготовка домашних заданий не давали расслабиться.

Наконец наступило первое долгожданное воскресенье сентября. Утром после завтрака нас отпустили гулять. Обычно играли на площадке или в летней беседке. Осень здесь – прекрасная. День был удивительно спокойный и по-летнему теплый.

В опустевшей столовой стоял шкаф для посуды, мы облюбовали его и, уединившись вдвоем с подружкой, использовали для игр в «дочки-матери». Кукол не было, и приходилось меняться ролями. Развернули найденную где-то картонную коробку, постелили ее в шкафу и укладывали своих «дочек» спать.

Я первая играла роль мамы. Укрыв «дочку» газетой, нашим одеяльцем, нежно поцеловала ее в щечку и стала убаюкивать, напевая:

– Спи, доченька! Спи, сладкая! Папа с работы придет и нам конфеты принесет,
– складно продолжала я, тихо похлопывая по ее плечу ладошкой.

Моя подружка, будто маленькая ляля, смешно коверкала слова:

– Мамоска, а вы меня с папоской сильно любите?

– Конечно, дорогая! Как можно не любить свою дочу!

Она смешно чмокала губками и капризничала, а я выполняла любые ее желания.

Наконец настала моя очередь быть «дочей», и вот уже я улеглась на картонку в шкафу.

Сложив ручки под правую щечку и привычно подогнув ноги под себя, крепко зажмурилась и постаралась вспомнить маму. Но у меня ничего не получилось, и я стала просто наслаждаться заботой подружки, хлопотавшей рядом.

Над беседкой покачивались ветви старой акации, и пожелтевшая листва тихо нашептывала что-то ласковое, словно убаюкивала в моей импровизированной колыбели. Теплые лучи проникали в створ дверей шкафчика и, лаская, мягко ложились на плечи, будто нежные руки. С верхней полки спустился серый паучок. Ему, наверное, стало любопытно, что здесь делает девочка. Он висел на тонкой паутинке и казался забавным и в то же время беззащитным, ведь он также прятался в шкафу. Мы сейчас были чем-то с ним похожи, обоим было здесь хорошо и спокойно. Улыбнувшись, я протянула руку, но паучок, спрыгнув с паутинки, исчез.

В щель шкафчика было видно воспитателей, сидевших на скамейке под деревьями: они о чем-то беседовали, давая детям возможность отдохнуть и отвлечься от первых трудных школьных дней. Подруги беззаботно играли, никто никого не трогал и никуда не спешил.

Чувствовалось блаженное тепло уходящего лета. Очень хотелось, чтобы этот миг длился как можно дольше... Часто в зимние дни, сидя в душном помещении и решая трудные задачи, я вспоминала тот счастливый осенний день.

Как-то на уроке мы писали сочинение на тему «Что такое счастье?». Все дети писали, что счастье – это иметь большую машинку, кто-то мечтал побывать на море, для кого-то счастье заключалось в том, чтобы мама не болела, а я ничего так и не написала.

Кто поймет, что счастьем для меня был теплый осенний день...

Мне очень хотелось его вернуть. Залезть в тот самый шкафчик и наслаждаться покоем дня, чтобы никто не дергал, не ругал, никуда не торопил, и пусть даже и понарошку, но обо мне кто-то заботился: оберегал и убаюкивал.

Глава 9. ЗАПАХ ТАБАЧНОГО ДЫМА

Всем первоклассникам детского дома поставили пробу Манту.

Медсестра предупредила:

– Тем, кому сделали вакцинацию, руки на месте прививки не мочить.

Через три дня прошла проверка результатов, и у четверых детей обнаружили положительную реакцию: у меня, Зои Дубининой, Сережи Неизвестного и Макулбека Каракозова. Для уточнения диагноза нас повели в Чимкентский городской туберкулезный диспансер.

Утро было морозным. На улице стоял конец октября. Местами дорога покрылась тонким слоем наледи. Ежась от холода в тонких пальтишках, мы шли мимо знаменитого чимкентского базара «У озера». Площадь рынка еще наполовину пуста. Торговцы только открыли свои лотки. Совсем близко проносились кони, запряженные в деревянные тележки с продуктами. Животные у меня ассоциировались с паровозом, который я видела на железнодорожной станции. Лошади сердито фыркали, из их раздувающихся ноздрей шел пар.

Эх! Вот бы прокатиться!

Земля здесь подтаяла, и осенняя слякоть старого рынка толстым слоем грязи липла к ботинкам. Идти по бездорожью нелегко. К тому же из экономии мы носили пальто и обувь на размер больше и сейчас походили на маленьких старичков. Дорога в диспансер длинная, и, порядком подустав, мы очень захотели есть. Народу на рынке в будний день не слишком много. Со всех сторон доносились крики зазывал, предлагающих разнообразные товары. В холодном воздухе витали запахи бахчи, булочек, жареных пирожков и карамелек. Прилавки ломились от разной еды. Проходя мимо, мы во все глаза разглядывали содержимое. Чего там только не было: колбасы разных сортов, копченая рыба, круглые, аппетитные баранки. С каждого прилавка пестрели пряники, конфеты, яблоки, виноград, гранаты, груши. Вслед за лотками шли длинные ряды бахчевых культур, занимающие половину рынка, – дыни разных сортов и поздние арбузы.

Возле дынь, аккуратно сложенных друг на друге в высокие пирамиды, сидел продавец. Он предлагал прохожим сочные оранжевые дольки. Завороженно глядя на дыни, мы тянули руки, но хитрый узбек тут же требовал деньги. Что такое деньги, мы не знали.

Не совсем понимая, что имеет в виду этот человек, я попросила нашу медсестру:

– Валентина Петровна, дайте, пожалуйста, денежку тому дяденьке в тубетейке, а он нам даст это поест, – я указала ей на большие желтые дыни.

Услышав нашу просьбу, медсестра подошла к мужчине в накинутом на плечи длиннополом пестро-полосатом халате и что-то ему сказала. Выслушав ее, он разрезал дыню на несколько частей и раздал ее нам. Сидя на корточках, он внимательно разглядывал нас. Мы уплетали угощение, не замечая ничего вокруг. Дыня была вкусная и сладкая, и мякоть ее напоминала перезрелую грушу, только аромат её был стойкий, сладкий и насыщенный.

Стали подходить люди, и каждый давал нам что-нибудь поесть. Они несли конфеты, яблоки, курт – все, что могло уместиться в наших карманах. Женщины обнимали детей, а мужчины вытирали скупую слезу.

– Бедные! – жалели они. – Это из детского дома.

Мы быстро поедали все, что давали, опасаясь, что медсестра вот-вот уведет нас отсюда. Увидев курт и семечки, я вспомнила, что точно такие же гостинцы мне когда-то приносила мама. У каждого в тот момент промелькнула обнадеживающая мысль: «А может, это мои мама и папа, которые просто не знают, что мы их дети!»

Мужчина с папиросой, стоявший чуть поодаль и наблюдавший за происходившим со стороны, тоже подошел. Он поднял на руки Макулбека Каракозова, посмотрел на мальчика, подмигнул ему и, подкинув вверх, поймал на лету. Лучше бы он этого не делал! Макулбек звонко рассмеялся и доверчиво прильнул к чужаку. Как они были похожи сейчас! Мужчина был высокий, черноволосый и черноглазый, как наш Макулбек. Я помню горящий взгляд и улыбку товарища, в нем теплилась трепетная надежда на чудо и внутренняя гордость. Еще бы! Ведь это его выбрали среди нас!

Все замерли, глядя на двоих. В воздухе повисла тишина. Мы смотрели на своего счастливого товарища, а взрослые на мужчину. «Неужели это родные люди? Отец и сын?» – читалось в их глазах. «А вдруг?..» – думали мы.

Они слились в объятиях, и мне на мгновение показалось, что наш товарищ уснул на плечах мужчины.

Тут, будто опомнившись, медсестра выхватила мальчика из рук мужчины. Макулбек, еще не придя в себя, стал отчаянно сопротивляться. Он не мог понять, что происходит. Его грубо разбудили, напомнив о действительности. Не веря, что теряет вдруг ставшего таким близким человека, мальчик безмолвно хватался руками за воздух, стараясь уцепиться за мужчину.

– Папа! – вдруг позвал он.

Но тот, словно преступник, торопясь, быстро скрылся в толпе, бросив лишь виноватый взгляд в нашу сторону и забирая с собой последнюю надежду у нашего друга, которую сам сейчас подарил.

Нас уводили с территории рынка. По дороге, вспоминая лица оставшихся позади людей, мы думали: «Какие они добрые! Как жаль, что это не наши родители». А Макулбек незаметно вытирал с лица катившиеся слезы и с горечью оглядывался, надеясь, что его сейчас позовут. Но ничего не произошло, и незнакомец не позвал, оставив на его одежде только запах табачного дыма, который напоминал нам о том, что сейчас произошло.

Вот чудак, он же забыл сказать свое имя! «Как же его теперь найдут?» – думала я, переживая за своего друга.

Мы спешно уходили все дальше и дальше от базара. Медсестра нас поторапливала, боясь опоздать на прием к врачу.

Мне просто не хотелось уходить из этого чудесного рая, и я старательно вдыхала аппетитные запахи рынка. Казалось, если я надышусь вкусным воздухом, то наемся досыта, и меня не будет тянуть к такой замечательной еде.

По дороге, заглядывая в карманы пальтишек, мои друзья разглядывали со-держимое – чего там только не было! Часть вкусных сокровищ тут же слопали, а половину оставили.

Обратно медсестра повела нашу группу другим путем, и на базар мы больше не попали.

В детском доме мы всем хвастались, рассказывая о необычном путешествии по рынку, показывали остатки вкусок, обертки от конфет и подробно описывали, чем нас угощали. Всем детям захотелось побывать на базаре, но, увы, прививки на руках рассосались, и только у Макулбека повторная реакция Манту оказалась положительной.

После похода на рынок наш товарищ загрустил. Он надевал то пальтишко, на котором еще сохранился запах чужака, и убегал на хоздвор. Ему надо было побыть одному, чтобы справиться со своим горем. Возвращался он оттуда бледный, с заплаканными глазами. Он все чего-то ждал и даже сильно похудел, и только мы знали причину его страданий. Заподозрив болезнь у Макулбека, медсестра отправила его в лечиться в санаторий.

Вернувшись через полгода к нам, он больше никогда не вспоминал о том происшествии на базаре.

Глава 10. НИЗКИЙ ПОСТУПОК ВОСПИТАТЕЛЯ

Заболела наша воспитательница, и на замену ей пришла молодая, без опыта работы с детьми Эмма Михайловна. Рьяно взявшись за нашу учебу, новенькая воспитательница вдруг в одночасье решила сделать из нас отличников. Целыми днями группа детей сидела в закрытом помещении, делая домашние задания, и уже неделю никуда не выходила. Солнечные лучи падали на снег, который отсвечивал голубым перламутром. Нашептывая свое, погода дразнила и звала нас на улицу. В окна врываются детские голоса. Во дворе мальчишки, смеясь, закидывали девчонку снежками, кто-то несся на санках с импровизированной горки, а мы все время зубрили уроки. Глядя на счастливых детей, мы тихо им завидовали. Так хотелось поиграть в снежки, поваляться в снегу, покататься на санках, но всю неделю с утра до вечера приходилось заниматься зубрежкой, а потом идти в школу.

Однако, несмотря на все старания Эммы, в один прекрасный день сразу семь человек получили двойки. Зная нрав новенькой воспитательницы, возвращаться домой никто из двоечников не хотел. Кто-то предложил сбежать из детского дома. Но куда бежать, да еще зимой? Города мы не знали и, кроме школы, нигде не были, поэтому, найдя ледяную горку возле школы, просто стали кататься.

Уже совсем стемнело, в окнах школы погас свет. Все сильно замерзли. Мои окоченевшие пальцы не гнулись. Вроде катались на портфелях, но на одежде не было ни одного сухого места, она вся промокла. Зная, что нас ждет наказание, мы все же вернулись, голодные и замерзшие. Эмме было безразлично, что дети пришли так поздно. В первую очередь она проверила наши дневники. Обнаружив двойки, взяла палку и стала всех бить, запретив провинившимся ужинать. На боль уже внимания не обращали, но голод мучил весь день, и терпеть до следующего утра было выше сил.

Затем Эмма заметила отсутствие двоих детей, которые прятались за шкафом и сушили у батареи свои мокрые вещи. Замерзнув, они описались. Воспитательница построила группу в два ряда – мальчиков и девочек отдельно – и заставила провинившихся раздеваться догола. Какой мы, девочки, испытали стыд!

Мальчик про наказание тут же забыл, а наша подруга, спрятавшись за шкаф, долго плакала, она не могла смотреть нам в глаза. Ведь ее раздетую видели все, кто присутствовал при этой пытке. Нам было по восемь лет, и мы уже стеснялись наших мальчиков. На глазах группы воспитательница унизила и растоптала достоинство девочки.

В администрации детского дома узнали о поступке воспитательницы и просто ее уволили, забыв об этом происшествии. За издевательства и насилие над детьми никто не ответил. Зачем это делать? Все равно никто ничего не узнает. Дети еще слишком малы, чтобы заступиться за свою честь... Наши бывшие воспитанники, узнав об этом унижительном поступке, встретили Эмму на улице и так же поступили с ней, как она с малышами.

Жаль, что такие случаи происходят в детских домах. Воспитатели меняются, а детям приходится жить с этим долгое время. Это не семья, которая может поменять школу или детский сад, чтобы ребенок забыл свой позор, это детский дом, где все друг у друга на виду и деваться ребенку некуда.

Думая об этом случае, я вспоминаю, как было больно за подругу, и до сих пор мне стыдно вспоминать о поступке воспитателя, в руках которого когда-то оказалась жизнь незащитных детей, а ведь прошло очень много времени. Дети такое не забывают.

Глава 11. ДЕПРЕССИЯ ОЛЕСИ

Как-то, придя с занятий, мы сели ужинать и вдруг обнаружили, что нет Олеси. Из школы она не вернулась. Куда могла пропасть восьмилетняя девочка?

Довольно часто у нас воспитанники сбегали из детского дома. Главными причинами были полученные двойки или же конфликты со старшими детьми, которые обращались с малышами жестоко, требуя полного повиновения и подчинения во всем. Если после побега ребенок возвращался в детский дом, то его опять наказывали – уже для того, чтобы он не сбежал снова. Побои были обычным явлением в детском доме.

Чтобы найти исчезнувшую девочку, подключили милицию, в поисках обошли все вокзалы, больницы и морги, но ее нигде не было.

Переживали все, особенно мы, близкие подруги. На следующий день в детский дом пришла женщина и представилась мамой одной из девочек из класса, где училась Олеся. Передав ее одежду, она объяснила:

– Олеся не хочет больше возвращаться в детский дом и будет жить у нас.

Наша воспитательница, проработавшая в детском доме не один год, сразу все поняла – такое часто происходило, но, взяв вещи, сильно удивилась, что девочка передала даже свое нижнее белье.

– Олеся сказала, что не хочет носить ничего, что будет напоминать ей о вашем заведении, – заметив удивление воспитателя, ответила родительница. – Наверное, побывав у нас в гостях, девочка вспомнила свой дом и хочет вернуться жить в семью.

Два года назад родители отказались от Олеси, оставив дочь под забором детского дома. По каким причинам – никто не знал, а девочка не любила вспоминать, и мы, ее подруги, не проявляли особого любопытства.

У многих из нас были одни и те же трагедии, и дни наши были одинаковые. Мы были похожи друг на друга: прическа, одежда, манера разговора и поведения. Нас часто домашние дети в школе дразнили «инкубаторскими».

Когда Олесю привезли, она была совсем слабенькой и худенькой. Девочку еле поставили на ноги, поправили ее здоровье.

У Олеси всегда были грустные глаза. Ее не было слышно среди нас. Мы носились весь день на улице, попадая в какие-то переделки. Отстаивали свои права до потери пульса, если обижали, а Олеся тихо сидела в сторонке, и казалось, что это старушка, а не маленькая девочка. Чувствовалось, что ее не трогало ничего и она ко всему оставалась безучастной.

Новичкам, попавшим в детский дом, тяжело давалось привыкание. Видно было, что новенькие очень страдали, получая сильнейший шок от разрыва с семьей, особенно если это был один ребенок.

Детям, поступавшим вместе с братьями и сестрами, было чуть легче. Их поддерживала связь с родными. Чувствуя защиту старших, они не так болезненно привыкали к новой обстановке. Со временем и старшие дети забывали о своей обязанности перед младшими, хотя те все время находились рядом. Терялась ответственность перед младшими братьями, сестрами, и никто не напоминал о чувстве долга, которое обычно прививают родители детям. Среди нас только две сестры очень бережно относились друг к другу, но это были уже взрослые девочки, которые жили здесь всего один год, и вот они являлись для нас примером.

Олесю вернули, и постепенно ее депрессия прошла. Почему она так поступила, девочка никому не объясняла. После этого случая учителя на школьных собраниях разъясняли родителям, что нежелательно водить детдомовских детей домой, чтобы не травмировать детскую психику – но мнения разделились на «можно» и «нельзя».

Я тоже впервые побывала дома у своей одноклассницы Марины. В просторном зале стоял телевизор, тогда это было большой роскошью. Марина делала уроки, а я смотрела мультики «Ну, погоди!». Нас ни разу не побеспокоили. Здесь каждый делал то, что считал нужным, и никто не навязывал своего мнения. Прошло два часа, а мы спокойно занимались своими делами.

На обед мама Марины пожарила котлет. В кухне, как и в комнате, было уютно и тепло. Мы сели за стол, она разложила по тарелкам еду. Дочь есть отказалась и попросила налить ей компот. Мама без всяких причитаний сделала то, о чем попросила Марина.

Я была привередлива в еде, и мне за такой отказ в детском доме сразу бы надавали оплеух. Я все время сопротивлялась, когда меня заставляли есть жир, каши, пить кисель. Спасал положение Сережка Неизвестный. Хоть он и был худой, но ел за десятерых. А вот по вторникам нам на завтрак давали кофе, яйцо вареное и масло с хлебом. Это лакомство мы все обожали. У нас был свой особенный рецепт. Мы намазывали на хлеб масло, а сверху посыпали желтком. Как вкусно было, пальчики оближешь! У меня получался отличный бутерброд, я его делала обстоятельно, не торопясь. Все вставали и уходили, а я все копалась над ним. Заканчивалось это тем, что как только я откусывала его, у меня отбирали мой кулинарный шедевр, давали хороший подзатыльник и выгоняли из столовой.

А здесь жизнь была другая... Как хотелось, чтобы со мной говорили, как Маринин папа – с любовью и лаской!

Мама лишь однажды спросила у Марины:

– Доченька, ты уроки сделала?

– Да, сделала, мама!

Никто не побежал проверять дневник своего ребенка, чему я сильно удивилась, все было на доверии.

Этот диалог звучал для меня, словно музыка. По вечерам я несколько раз повторяла слова и знала, что в моей семье будет точно такая же атмосфера взаимопонимания. Мне нравилось ходить в гости, там я открывала для себя много интересного, видела недостатки семьи и ее плюсы, и таким образом у меня появлялся опыт – я училась жить.

Отец пообедал и, уходя на работу, поцеловал дочь и жену в щечку.

– Всем пока! До вечера! – сказал он.

В детский дом я пришла другая. За какие-то два часа я открыла иной мир. Это был мир семьи, где царила гармония и любовь к ближним. Здесь трепетно относились друг другу. «Вот почему домашние дети отличаются от нас, – думала я. – На их лицах нет чувства страха, наоборот, полная доброта и спокойствие».

А мы были маленькими старичками. Я могла только по выражению лица определить детдомовского ребенка в группе людей, которых видела в первый раз.

Я часто думала о том дне, поняв причину поступка Олеси.

Но и еще в тот день я поняла огромную разницу между Мариной и мной. Одежда на ней по вкусу, как у мамы, и держалась моя ровесница с достоинством, подражая поведению папы, а я бесконечно смеялась по разным пустякам, чувствуя себя не в своей тарелке, или молчала. Я смеюсь, даже когда мне больно, чтобы люди не видели главную причину моей грусти. Такая особенность есть у многих детдомовских детей, смеются – и тут же слезы стирают с лица. Это называется – смех сквозь слезы. Марина вальяжно расчесывала перед зеркалом длинные, красивые волосы. А когда я видела себя в зеркало последний раз?

У меня не было мамы, и некому было сказать: «Доченька! Ты будешь очень хорошо выглядеть, если наденешь сегодня это платье и заплетешь косу». Эти тонкие и деликатные детали воспитания дает семья. Ребенок наблюдает за поведением родителей с первых дней своей жизни. И его память сохраняет необходимые навыки и стереотипы поведения в обществе. Заведя свою семью, он будет повторять то, что запомнил и получил, добавляя знания в свой жизненный багаж.

А что было у нас? Почему для общества мы, детдомовские, были словно белые вороны? Почему как только мы появлялись в обществе, нам тихо посмеивались в спину? Может, от того, что для нас белое – это было только белое, а никак не черное, и мы не знали другой альтернативы своих решений. Детдомовские дети могли отдать последнюю рубашку, чтобы помочь нуждающемуся другу, не думая о себе. Здесь с первых дней прививались и поощрялись такие понятия, как совесть, храбрость, порядочность, взаимовыручка, и искоренялись жадность, трусость, предательство. Без этой нравственной морали в детском доме просто нельзя было выжить ребенку. Я вспомнила, с какой жалостью смотрели на меня родители одноклассницы. Но что во мне было не так? И я часто задавала себе этот вопрос, пока жизнь не стерла эту грань. Чтобы наверстать упущенное, у меня ушел не один год, а десятилетия.

Глава 12. АКТРИСА

Однажды, проснувшись утром, я почувствовала, как сильно болит голова, к тому же мне показалось, что моя шея за одну ночь опухла, так как пуговицы школьной рубашки почему-то не застегивались.

По дороге на занятия я потеряла сознание, и когда очнулась, то лежала у нас в изоляторе, рядом стояла медсестра и мерила давление, давая мне нашатырь. Узнав причину моей болезни, в детском доме сразу объявили карантин. К вечеру ко мне

подселили мою одноклассницу Риту, у которой были те же симптомы: высокая температура, жар, головная боль и увеличение шейных лимфоузлов. Диагноз нам поставили одинаковый: «эпидемический паротит», по-народному – «свинка». Я вспомнила о том, что мой сосед по парте Насыров Мурат уже неделю не приходил в школу.

В первый день мы не вставали с постели, сил совсем не было. Чтобы не распространять инфекцию, в палату никого не пускали. Нас закрывали на ключ, и дверь открывали? только когда приносили еду.

До обеда медсестра измеряла температуру, поила таблетками, а после в палате наступала полная тишина. Не нужно было идти в школу, делать уроки и все время думать о домашних заданиях. В детском доме я чувствовала себя, как рыба в воде, а школу боялась. Там были сердитые учителя, и в школе я получала двойки. Во мне жили два разных ребенка. Один храбрый и находчивый, другой замкнутый и боязливый. Мне очень долго снились сны, как я пишу контрольную и не могу решить задачу. Я подглядываю у соседней по парте, но от меня все прячут свои тетради. Я ищу выхода, у кого можно списать, и не могу найти и очень жалею, что не понимаю эту проклятую математику.

Иногда, перед тем как идти в школу, незаметно для всех я выходила на улицу, смотрела на небо и мысленно говорила: «О боже, помоги мне». Так делала моя воспитательница, когда что-нибудь неприятное происходило с детьми в группе. Мне было непросто учиться. Математика и геометрия моему уму были неподвластны. Трудно было решать задачи на логику. Особенно там, где речь шла о магазинах, о том, что кто-то купил или что-то продал кому-то.

Этих простых вещей я не могла осилить, у меня не было представления о том мире, который находится за нашим забором. Я даже не догадывалась, что люди весь день работают, потом ходят в магазин, экономят на чем-то, чтобы купить что-то дешевле. Мы не знали обыкновенных вещей, необходимых для выживания. Это незнание дорого обойдется потом, когда мы выйдем за ворота в свой самостоятельный путь. Дети, поступавшие к нам из семей, ориентировались во всем легко. Они не только быстро решали поставленные задачи, но и запоминали местность, в которой находились. Сбежать из детского дома прибывшим, домашним детям не составляло особого труда. Мамы с детства водили их повсюду за собой: в магазин, на базар, в садик, в школу. Я, например, могла запросто заблудиться в трех соснах. Мы сидели запертые в одном месте в том возрасте, когда развивается у ребенка функция, отвечающая за ориентацию в пространстве. У меня она так и не развилась. В первом классе я боялась потеряться по дороге в школу, и стоило меня отвести за пределы детского дома и оставить одну, я уже самостоятельно найти свой детский дом не могла.

Оказывается, болеть – это очень больно. Как болит голова, во рту все режет, глотать больно. Шея распухла и чешется. Я просыпаюсь и снова ухожу куда-то в небытие.

У нас воспитывалась девочка Галя. Она часто падала в обмороки из-за слабого сердца, и после очередного приступа ее увозили. Когда поправившаяся приезжала из больницы, то рассказывала, что ей в больнице рекомендован был полный покой. Все больные и доктора баловали девочку игрушками, давали яблоки, конфеты, печенье. По рассказам Гали, там был настоящий рай, только уколы, правда, слишком болючие. Мне тоже хотелось побывать в больнице.

Однажды я уговорила своих друзей Витьку Синикеева и Сережу Неизвестного подыграть мне. Это произошло прошлым летом. От них нужно было всего-то ничего – принести меня на руках в группу, чтобы все видели, что я в обмороке, и

потом вызвать медсестру. Взамен я обещала принести из больницы кучу подарков, конфет и добросовестно поделиться. В этот день работала новенькая воспитательница, Зинаида Мухамеджановна. Она еще не знала всех нас, не знала, что дети, живущие в детском доме, хорошие психологи. Они сразу видят слабые места у новых воспитателей и пользуются этим – иногда.

Я очень хорошо себя вела. Помогла убрать грязные тарелки со столов, подмела в столовой и каждые пять минут задавала умные вопросы, а потом попросила разрешить мне поносить желтенькое платье, которое лежало в нашем шкафу среди всех платьев. Всего на час – оно было красивое, и мне очень шло. Недоумевая, как я в такую жару буду носиться по улицам в платье, воспитательница в конце концов сдалась и согласилась. Прочитав в книжках, как нужно вести себя при обмороке, я аккуратно легла на скамейку. Мои сообщники Витька и Сергей с пеной у рта целый час доказывали, что никто мне не поверит. Им хотелось, чтобы я взаправду упала, и тогда у меня действительно будет обморок. Я помню, как меня однажды ударили книжками по голове, было больно, но я все равно не потеряла сознание.

– Вы чего? Сознание теряют, когда по голове бьют, а со мной ничего не получится. У меня голова знаете какая, как кирпич, – крепкая. Вот если бы снег лежал, с удовольствием упала бы, тогда не больно, и платье мое красивое осталось бы чистым, – уверяла я, настояв на своем решении.

Очень хотелось в больницу попасть нарядной. Выспаться и игрушки привезти с собой.

– Где мы тебе сейчас снег найдем, – недоумевали мальчишки. – Ладно, садись на руки. Только глаза не открывай и не дыши.

– Хорошо! Несите до веранды нашей группы и всем объявляйте, что у меня обморок.

Наконец, сложив руки крестиком, они подняли и понесли. Сначала все шло хорошо, но быстро устав, они дважды уронили меня по дороге. Ради задуманного приходилось терпеть боль и тщательно чистить платье от пыли. На нас по дороге все равно никто внимания не обращал. Только Милютин, пробегая мимо, спросил:

– Чего вы Томку тащите на себе? У нее что, своих ног нет, что ли?

– Да она в обмороке у нас, – ответил Неизвестный, и мы продолжили наш путь к намеченной цели. Устав от своей ноши и моих рук, Синикеев стал возмущаться:

– Ты чего такая тяжелая? Не держи меня за шею, – уже вопил он, – ты же без сознания.

Но еще раз свалиться не было желания.

– Да она сегодня наелась каши. Наверняка знала ведь, что ее тащить придется, – подсказал вспотевший и злой Неизвестный.

– Буду отвечать на ваши вопросы – меня вычислят, и я в больницу не попаду и вам ничего не привезу. Потерпите, немного осталось, – тихо цедила я сквозь зубы. – Лучше не забывайте объявлять, что я в обмороке.

Но наши дохленькие мальчишки тащили уже из последних сил.

Как только мы оказались возле своей группы, Синикеев уже с порога стал орать:

– Уф, жарко! Пить страшно хочется. Зинаида Мухамеджановна, – продолжал он, словно барин зовет слугу, – заберите ее, пожалуйста!

Я осторожно улеглась на пороге чисто вымытой веранды. Наконец вышла воспитатель. Увидев меня распластанную на крыльце, она спросила.

– Что это с Тамарой?

– Да обморок у нее! – ответили они ей и счастливые, что выполнили условия нашей сделки, тут же сбежали играть.

Воспитательница схватила меня на руки и занесла в нашу группу, уложила на диван и побежала за медсестрой. Намучившись с мальчишками, я наконец свободно вздохнула, первая часть моего плана была осуществлена. Осмотревшись, нашла на столике вишню, которую принесла Зинаида Мухамеджановна из своего домашнего сада, и стала ее есть, поглядывая в окно. Мысленно представила, как меня уносят на носилках в больницу. Наши все машут флажками и говорят, как они меня сильно любят. А я улыбаюсь на прощанье, ем вишню и дарю всем подарки. Мне даже стало жаль наших ребят. Может, мне не сейчас ложиться, а потом, когда начнется школа? Что-то я поторопилась. Эх! Надо же, какая досада. И как я раньше об этом не подумала? Кто же летом в больнице лежит? Но было уже поздно. Набив полный рот ягод, я и не заметила, как подошли воспитатель и медсестра.

Что делать с покусанной ягодой, что находилась у меня во рту? Обратного в тарелку уже не положишь. Я быстро выплюнула часть в ладонь, зажав в руке. Сок брызнул на платье. Руки стали липкими, поэтому машинально спрятав помятую вишню за пазуху, я легла и закрыла глаза.

Первая зашла в комнату медсестра и, увидев меня, истерически закричала. – У ребенка кровотечение открылось, вы куда смотрите, скорей несите нашатырь! – и стала сильно трясти и неистово бить по лицу, приводя меня в чувство.

«Ничего, потерплю. Главное – дождаться, когда придет скорая», – думала я, стойко перенося все истязания над собой.

От беспрерывных пощечин стало больно, еще бы, весь рот был забит. Глотать всю вишню сразу не хотелось, там же косточки. Сок стал предательски вытекать изо рта. Зинаида Мухамеджановна, словно обезумевшая, схватила графин с водой и с криком:

– Теряем ребенка, ну сделайте что-нибудь! – с разбега вылила всю воду на лицо и платье.

Медсестра в полуобморочном состоянии, уже ничего не соображая, словно заведенная, бесконечно совала под нос мне вату с нашатырем.

«Нет, хватит! Сколько можно бить меня по лицу? Да и в таком виде я уже никуда не поеду».

Это мучение невозможно было вынести, и от обиды за испорченное платье я разревелась. Из меня полезла раздавленная вишня.

Что было дальше, говорить не нужно. Воспитательница, не успев устроиться на работу, уволилась, а медсестра при виде меня до сих пор хватается за сердце.

А сейчас мне было очень больно. Наверное, от высокой температуры болела голова, и я не могла встать. Не было желания ни есть, ни пить, я только лежала и набиралась сил. Я вспомнила нашу Галю, и больше мне не хотелось болеть – это тоже больно, а боли в моей маленькой жизни было и так выше крыши. Я медленно приходила в сознание. В голове стоял пустой гул – то ли от тишины, то ли этот звук шел от моего борющегося с болезнью организма. Его нарушали своим жужжанием сонные мухи, чему я даже была рада, это означало, что я здесь, на этой земле. У моей подруги увеличение лимфоузлов было одностороннее, а меня разбарабанило так, что я была похожа сейчас на поросенка. Рита первая пришла в себя и стала за мной ухаживать, кормила меня с ложечки, поила и рассказывала новости дня. Наконец и мне стало легче.

Болеть – это плохо, я бы этого никому на свете не пожелала. Но постепенно выздоравливая, я ощутила, что я нахожусь ну если не в раю, то в санатории. Никто тебя не трогает, не заставляет, не ругает. Я освобождена от всех забот. Еду нам

приносят прямо в постель, ну не совсем в постель, а ставят на тумбочку завтрак, обед и ужин. Неужели такое бывает? Как мне было хорошо! Да, я была в маленьком раю, и назывался он «изолятор».

Солнечные лучи нежно ложились на наши одеяла, проникая сквозь стекла окон изолятора. Деревья стояли голые, и лишь временами одинокий желтый лист падал на наш подоконник, зовя играть на улицу. На дворе стояли последние теплые осенние дни. Пьяные от осенних холодов мухи лезли в тепло во все щели, летая по палате в замедленном ритме. Медсестра днем открывала дверь и выгоняла назойливых насекомых, которые просто не давали покоя и садились на лицо, руки, открытые участки тела. Но на третий день болезни лежать просто так, в изоляции от общества, было уже невыносимо. От нечего делать мы с подругой нашли себе занятие. Переловили мух в комнате, специально запуская их через форточку. Не поверите, но от этого тоже можно получить массу удовольствия, особенно если тебе хочется играть.

На следующий день обратили внимание на книгу, что лежала на подоконнике, со стихами Корнея Чуковского «Муха-Цокотуха». Рита читала стихи, а я была Мухой и показывала все, что происходило с моей героиней. Я думаю, мое воображение родилось вместе со мной в один день. Фантазии в моей голове появлялись со скоростью света. Вот моя Муха идет в поле и находит денежку. Я подпрыгиваю, как обезьяна, испытывая неопишуемый восторг, – раздается взрыв смеха, это моя подруга смеется. Затем изображаю счастливую Муху, с покупкой. Я летала по палате, соорудив из наших простыней крылья, прыгала по кроватям, смешно кряхтела, держась за спину, на которой вместо самовара была привязана подушка, ковыляла и строила недовольные рожицы, а Ритка смеялась, схватившись за живот.

Перевоплощение в образы так понравилось нам, что за время, проведенное в изоляторе, мы перечитали все стихи, изображая и копируя все подряд. Самой забавной была Муха-Цокотуха. Так много мы никогда не смеялись. В тот день мы открыли для себя мир игры и театра.

Поверив, что за короткое время стали настоящими артистками, решили: когда вырастем, будем работать в театре, и в библиотеку передали свою просьбу принести книги, желательно пьесы. Не хотелось терять зря времени – хотелось репетировать какую-нибудь роль. Нам отказали и книг не дали. Попросили, чтобы скорее выздоравливали, а театр подождет своих артистов. Ах, если бы в жизни моей повстречался театр! Такой талант зря пропадал. Вскоре я узнала, что после меня свинкой заболели еще двадцать детей, и все они также были изолированы. Интересно, сколько еще в этот день у нас родилось артистов?!

Проболев, я поняла, что лучше быть здоровой. Но парадокс заключался в том, что дни, проведенные в изоляторе, я вспоминала тепло, как первый мой отдых за все время в детском доме. Дети, как и взрослые, нуждаются в небольшом отдыхе от всех забот.

Глава 13. СЕСТРЕНКА АНДЖЕЛЫ ДЕВИС, ИЛИ АВАНТЮРИСТКА

Наступили весенние каникулы. Стоял апрель месяц. У нас, второклассников, по вторникам в группе стали проводить политчасы. Мы узнавали, какие события произошли в мире, и пересказывали политруку Гале Андреевой о том, что узнали. Сегодня читали новость об Анджеле Девис. Американская правозащитница, борец за права заключенных, деятель коммунистического движения. Ее фотографии пестрели во всех газетах, на всех каналах телевидения. О ней знали и говорили в школе и у нас в детском доме. Было невыносимо слушать одно и то же.

Поняв, что я не выражаю никакого участия к судьбе американской правозащитницы, политрук оставила меня в группе с газетой и приказала:

– Через два часа приду, чтобы выучила все, что о ней здесь написано.

Что делать – хоть 33 раза прочту, все равно не пойму ничего. Зачем бедная девушка бастует за обездоленных? Я бы на ее месте на улице играла.

Не найдя меня на улице, вернулся Витька Синикеев, взял газету и стал внимательно разглядывать фотографию.

– Тома, ты только посмотри! Это же точная копия твоя.

Он приложил газету к моему лицу.

– Ну да, девчонки, смотрите!

Подошли Зоя Дубинина и Алма Сариева.

– Слушай, один в один. Может, это твоя сестра или мама, – подтвердили они.

Я к тому времени совсем не помнила о родных, меня забыли, никто не приходил.

– Нет, не может быть, – сказала я.

– Да ты погляди, это же твоя сестра! – не унимался Синикеев.

Я вспомнила свою сестру, и она мысленно выросла до размеров девушки из газеты.

– Да нет, все равно не сходится, – опровергла я их радость. – Мою сестру зовут Ася, а не Девис, и она вроде только чуть старше меня! – стала я возражать.

Газета была черно-белая, и мы даже не догадывались, что девушка темнокожая, а у меня кожа ослепительно белая. И цвет глаз у нее карий, а мои то ли серые, то ли голубые, то ли зеленые – это зависело от того, какого цвета платье на мне. Единственно – прическу надо было немного исправить. Алма нашла расческу и сделала на мои волнистые волосы начес.

– Ну вот, уже более или менее твой вид подходит под ее образ, – сказала она деловито.

Когда все увидели меня с новой прической, сомнения сразу рассеялись.

– Вот это да! Ну надо же, вылитая Анджела Девис! И губы толстые, и нос такой же. Смотри, даже щель на передних зубах такая же, как у тебя. Тебя, наверное, потеряли в детстве, и фамилию другую дали.

– Ну все, я побежал. Пусть все знают о том, кто с нами живет! – крикнул Витька и помчался орать на весь детский дом, что нашел сестренку Анджелы Девис.

Еще не поняв, что произошло, я сидела, словно невеста на выданье, ожидая, что дальше произойдет. Синикеев, словно глашатай, быстро пронесся по всем группам, и новость о том, что я сестренка политически заключенной американки, тут же все узнали.

Затем он вихрем ворвался в комнату и, запыхавшись, предупредил:

– Сейчас наши придут, будут на тебя смотреть. Не стесняйся, смело говори, что ты сестренка, пусть все узнают. А я думаю, почему наша Томка вечно за свои права борется со всеми? Так, оказывается, вон оно что! Вот поэтому ты и получаешь больше всех. Только разница в том, что она в тюрьме сидит, а ты по углам стоишь, – мудро заключил он, сделав свое открытие, и убежал оповещать всех о главной новости дня.

Стали приходиться любопытные старшекласники и из младшей группы малыши и сравнивать меня с фотографией.

Вообразив себя сестренкой Анджелы, я раздувала губы и приподнимала подборок так, как было на фото в газете. Все подходили и, видя мое сходство, сразу соглашались. Через какие-то полчаса я уже сама себя убедила в том, что я Девис.

– Вот только нос у нее побольше, а у тебя пипочка, – произнес кто-то вежливо.

– Какая пипочка, ты посмотри на ее ноздри, – деловито парировал Синикеев, – один в один с ней, ни у кого такого носа нет, как у нашей Томки.

Я, держа в руках у своего лица фотографию, важно сидела в нашей комнате и изображала из себя американку.

– Вот повезло, теперь Тому в Америку заберут жить.

Ко мне подошел Генка Параитиди и тихо спросил:

– А если тебя признают сестренкой, ты кого заберешь к себе жить?

Витька, перебивая его, тут же смекнул:

– Сначала пусть признают, а потом уже будем думать, кого мы возьмем к себе жить. Для этого надо ее лицо перекрасить в черный цвет и научить гутарить на их языке, – сказал он. – Если нам поможете, то мы и вас возьмем к себе жить. Тома, сами знаете, какая добрая. Правда, Том? – спросил он моего подтверждения.

Я махнула головой.

Подошла Галя Шмык и попросила:

– Я тоже хочу уехать с тобой жить в Америку, возьмешь? У меня никого нет и искать никто не будет.

Я была не против взять к себе жить хоть весь детский дом и сказала:

– Я всех возьму, кто поможет рассказать Анджеле Девис, что я живу здесь. А пока составьте список желающих поехать со мной.

Когда пришла вожатая, я рассказала ей политические новости и взамен выпросила газету. Удивленная моей переменной, она с радостью отдала мне ее, и мы подошли с газетой к Марии Ивановне.

Я приставила к своему лицу фотографию, и Алма спросила:

– Мария Ивановна, вы не находите, что наша Тома вылитая Девис?

Ничего не поняв, она присмотрелась и сказала:

– Ну! Нос и губы вроде похожи.

Алма и Зоя продолжили:

– А вы не думаете, что Тома – сестренка Девис?

Воспитательница сняла очки и спросила у меня:

– Как фамилия твоя?

– Умбетова! – говорю ей.

– Ну вот видишь, а там Девис написано.

Потом, видя мое разочарование, она еще раз присмотрелась к фотографии.

– Ну неужели ты не видишь, она чернокожая, да и нос ее чуть побольше, – сказала она, пожалев меня.

Синикеев не сдавался, ему, как и мне, очень хотелось жить в Америке.

– Мария Ивановна, а как мы Анджеле Девис можем сообщить, что ее сестренка живет здесь?

Мария Ивановна, не заподозрив ничего, сказала:

– Если бы это было на самом деле, Людмила Алексеевна ей давно бы позвонила. А пока ничего не придумывайте. Идите занимайтесь своими делами.

Но процесс был уже запущен, и мы стали думать, что делать дальше. Кто-то посоветовал намазать лицо, чтобы оно было черным, как у американки. Мы побежали в кочегарку и нашли сажу. Было еще прохладно, и мы одевались по весеннему сезону. Хорошо, что на мне были чулки и платье – обмазали сажей только лицо и руки.

– Слушай, Синикеев, а что я буду в Америке делать? Где сажу буду искать? – задала я ему наивный вопрос.

– Да не волнуйся ты зря. Там знаешь как жарко, пока доедешь, вся сгоришь. Они же все там черные, вот и ты станешь такой же.

Я посмотрела на свою кожу. Загар ко мне совсем не приставал. Кожа на солнце лишь краснела и при первом дожде опять становилась белой.

«Да ладно, приспособлюсь, какие наши годы», – опять подумала я.

Потом вспомнили про то, что мой нос немного маленький. Генка поймал пчелу и поставил на макушку носа. Пчела ужалила, мой нос стал медленно разбухать, как пузырь у лягушки, но чтобы оказаться рядом с сестрой Анджелой, я все терпела. По дороге кто-то сказал, что у нас в группе краска для полов стоит за шкафом темно-коричневая, и лучше не рисковать. Сажа стекала по моему лицу, оставляя белые разводы под глазами. Но когда меня захотели перекрасить, я вдруг решила перевести стрелки на Генку.

– Давайте лучше Парайтиди перекрасим, он чернокожий, ему сразу поверят.

– Ты чего! – заорали все. – Кто ему поверит? Да он совсем не похож на твою сестру, у него нос, как у крокодила. Он же вылитый Луис Карволан!

И меня стали красить половой краской, пока я не передумала.

– Ой, что-то мне эта краска не нравится, слишком красная, может, так оставить? – запротестовала я.

– Главное, чтобы наша Людмила Алексеевна заметила, как ты похожа на Девис. Если поверит, то сразу позвонит в Америку. Ну потерпи ради нас, – стали упрямить меня ребята.

Я понимала, что все мои одноклассники мечтали обрести свою семью. Сегодня был их шанс. Все согласны были жить вместе со мной одной семьей. Они любили меня и доверяли, и никто не хотел даже думать, что это может оказаться неправдой или чьей-то выдумкой. Мы все сейчас верили в свою правду. Нас было человек пятнадцать детей. Это мои друзья и подружки, с которыми я прожила долгое время и верила им как самой себе.

– Хорошо, только красьте мои руки, лицо не дам красить.

Дело осталось за малым – выучить иностранные слова. Моя будущая родня забегала по группам, спрашивая слова по-американски, но старшеклассники изучали немецкий язык.

Ладно! Решив, что язык можно выучить потом, мы делегацией двинулись к заведующей, у которой находился заветный телефон. Нос мой и губы увеличились в объеме, и притронуться к ним было уже невозможно, все болело. Перепачканная сажей и краской, я была похожа сейчас на маленького чертенка, но не на сестренку Анджелы Девис. Но мои одноклассники, вместе со мной перемазавшись краской, ничего не замечали, им хотелось уехать в Америку – и все тут.

– Ну ты копия Анджела Девис, – бесконечно уверяли меня по дороге, поднимая мой дух.

Кто-то из подружек прощался со мной, представив, что я уже в Америке, и бесконечно проверяя на верность.

– А ты к нам приедешь? А ты писать будешь?

– Да буду! – клялась я всем подряд, чтобы успокоить.

– Только не забывай нас, пожалуйста!

– Конечно. Мне одной без вас будет скучно.

Мы подошли и постучали в дверь.

– Кто там, войдите, – послышался знакомый голос заведующей.

Самые отважные вошли в кабинет.

Увидев перемазанных детей, она спросила:

– Средняя группа, вы зачем сюда пришли? Что случилось? Почему все в краске, словно индейцы? Где ваш воспитатель? – возмутилась заведующая. Затем, заметив меня, она опять спросила: – Так, кто это с вами? Что за странная девочка?

Наступила тишина. Наши, словно языки проглотили, стали выходить из кабинета.

Генка, набирая очки, первый подал голос:

– Это сестренка Анджелы Девис.

– Чья сестренка? – переспросила Людмила Алексеевна, сев на стул.

– Вы газеты читаете, Людмила Алексеевна? – это уже моя родня подключилась, выступая за свои права.

Чтобы поддержать своих товарищей, я с трудом открыла свой рот и пробубнила:

– Их бин Анджела Девис!

Мои губы едва шевелились, но я старалась, и было понятно, что я имела в виду.

– Так вы откуда ее привели? Цыганка, что ли? – переспросила она у наших уже удивленно. – Сюда нельзя приходить детям с улицы, – сказала она мне.

– Она не цыганка, – сказал Синикеев. – Вы что, не узнаете ее? Это же сестренка этой, как ее, Анджелы.

– Какой еще Анджелы?

– Да той, что по телевизору показывают. Вот смотрите, у вас тоже она на столе лежит.

Увидев фотографию американки, я опять обрела уверенность и, найдя стул, важно уселась, закинув ногу на ногу.

Оглянувшись на оставшихся товарищей, я взяла газету в руки и произнесла:

– Хэлоу, Людмила Алексеевна. Ду ист пи кинглиш, – сказала я с сильным акцентом, как обычно немцы говорили по телевизору, и посмотрела на Генку.

Сообразив, что надо переводить, вспотевший Параитиди кое-как выдавил:

– Здравствуйте, Людмила Алексеевна. Вы говорите по-английски?

Я, шлепая губами, продолжила:

– Майн ист сестренка Анджелы Девис.

– Я сестренка Анджелы Девис, – перевел он, сильно переживая.

– Вам нужно позвонить моей сестре и сказать, что я нахожусь здесь, в вашем детском доме, – это я уже сказала на русском языке, сильно коверкая слова. Других иностранных слов я просто не знала.

Как я пожалела сейчас, что не Рая Дубовицкая из младшей группы. Она могла говорить на разных языках, придумывая на ходу, и когда ее спрашивали, какой это язык, она просто отвечала:

– Не скажу.

И мы все верили ей, что она у нас полиглот.

Генка стал машинально переводить, но его перебили.

– Ну, это переводить не надо. Я уже догадалась, кто это... Умбетова, это ты, что ли, спектакль тут разыгрываешь?

Синикеев не сдавался:

– Людмила Алексеевна, пожалуйста, позвоните Анджеле Девис, скажите, что здесь у нас в детском доме живет ее сестренка, пусть она приедет к нам и заберет ее.

У меня сильно чесался нос, и я, не обращая внимания на невысохшую краску на руках, терла его, сильно измазав уже все лицо.

– Ага, сейчас я позвоню, – сказала Людмила Алексеевна насмешливо.

Она набрала телефон и вызвала нашу воспитательницу. Когда Мария Ивановна пришла, заведующая, злясь на нас, сердито ей выговорила:

– Вот полюбуйтеесь на свою авантюристку! На кого она похожа! Ваша группа всю комнату мне краской перепачкала. Америку им подавай!..

Воспитательница, увидев, в каком мы состоянии, расстроившись, сказала:

– А ну-ка марш, краснолицые, в баню краску с себя сдирать!

Я заревела. Было обидно, что мне не поверили, и было страшно жаль своих товарищей.

Тут подошли Галя с Генкой.

– Том, не плачь, – стали упрасивать товарищи по несчастью.

– Как тут не заплачешь, – всхлипывала я. – Мне же хотелось, чтобы мы вместе уехали и жили одной семьей.

– Том, да ну ее, эту Америку, нам и здесь всем вместе хорошо, правда ведь? Алма,

Мая, девочки, не молчите, Тома для нас старалась, – напомнил всем Генка.

Мои подружки окружили меня и стали успокаивать.

Тут мы сзади услышали истерический хохот Синикеева.

– Девчонки, посмотрите, на кого мы все похожи!

Забыв о своей неудаче, мы рассматривали себя и показывали друг на друга пальцем, смеясь над собой от души. Чумазные и перепачканные краской, мы были сейчас похожи на индейцев апачи. Наверное, больше всех смеялась я. Мне было очень хорошо, что я здесь, рядом с ними, с моими милыми и дорогими одногруппниками.

Глава 14. ГЕНЕРАЛЬНАЯ УБОРКА

Обычно после завтрака по регламенту все обязательно должны были работать. Грядки пропалывать, делать уборку в помещении, копать на огороде или картошку в хранилище перебирать. Работы было много, она входила в обязательную часть нашего воспитания. Мне не хотелось работать быстро и легко, ведь как только закончишь одно дело, тут же находится другое. Смекнув, что это никогда не закончится, я придумывала, как избежать ну или сделать работу намного быстрее.

Когда грядки пропалывали, у меня появлялись большие волдыри на ладонях.

Бедная воспитательница всегда со мной мучилась и говорила:

– Ну чего ты руками размахиваешь, словно дирижер, лучше бы ты ими работать научилась.

Я грамотно ей доказывала, что траву лучше сейчас не выдергивать, а подождать, когда она вырастет, и тогда можно скосить вместе с помидорами и баклажанами одним махом.

– Да, Тамара, – говорила она, – от тебя, как от того поросенка, визгу много, шерсти мало.

У нас была в группе девочка Майя. Как только спрашивали, кто пойдет работать, она, еще не дослушав, о чем идет речь, первая тянула руку.

– Можно, я пойду работать! Можно, я пойду!

Майя была трудолюбива, как пчелка, и работать могла без остановки. С любым заданием она справлялась быстро и легко. Если она бралась за работу, то у нее в руках все горело, и наоборот, если я к чему прикасалась, то горели руки, но не от работы... Это потом вычислили, что волдыри появлялись от крапивы.

– Зато сделаю работу и буду своими делами заниматься, – мудро парировала она.

Я все время учила Майю, что сначала понять надо, что за работа, а потом уже браться за нее. Ведь там, где Майя работала, как нарочно, прицепом ставили меня. Так и говорили про нас – «плюс и минус». А там, где двое, должен быть третий,

и мы выбирали Колю Никитина. Ему что ни скажешь, он лоб расшибет, но дело выполнит добросовестно. И мы сообща справлялись с поставленной нам задачей – кто как мог и умел.

По детскому дому объявили генеральную уборку. Шла подготовка к переходу на летний режим. Каждая группа мыла свое помещение. Нам троим поручили вымыть стены веранды. «Это немного, – сказала воспитательница, – всего метров шесть будет». Дали воду и тряпки. Хозяйственного мыла не хватило, так как не рассчитали, что сегодня оно понадобится не только нам. Одними тряпками много не намоешь, и на этот мартышкин труд мне было жалко тратить весь день. На игровой площадке висел призывный плакат: «Сделал дело, гуляй смело» – это наша редколлегия уже постаралась, поднимая наш рабочий дух.

Многие уже и правда сделали дело и занимались своими делами – играли в баскетбол, кто-то из девочек прыгал на скакалке, другие играли в классики, а наша тройка все терла эти несчастные стены. За час был вымыт только один метр. Но Майя его так выдраила, что стенка из голубой превратилась в белую. Назад уже дороги не было, теперь нужно было домыть всю стену.

– Счастливые, – глядя на улицу, произнес наконец Никитин.

– Конечно, было бы мыло, мы бы сейчас гуляли смело.

Майя воодушевленно трудилась над стенкой и, не отвлекаясь, только успевала деловито командовать.

– Принесите чистую воду... Принесите чистые сухие тряпки... Так, унесите грязную воду...

Она разлила столько воды, что без калош там уже нельзя было шлепать, и, не замечая, какой потоп вокруг, увлеченно продолжала работать. На метр стены было вылиты два ведра воды. Мы вдвоем только рады были исполнять любые ее приказания: Колька воду носил, а я тряпки.

Дело затягивалось, и надо было срочно что-то придумать. Вдруг меня осенило.

Я побежала в прачечную. Увидев нашу прачку бабу Ньюру среди стиральных машин, я крикнула ей:

– Баба Ньюра, у вас мыло есть?

Немного глуховатая баба Ньюра, не расслышав, о чем идет речь, громко спросила:

– Зачем тебе дуст, что, у кого-то вши появились?

Я не поняла ее вопроса, подумав: «При чем здесь вши?»

– Дайте, пожалуйста, нам стены надо помыть, – попросила я еще раз.

Она отдала мыло и, торопясь к своим стиральным машинам, посоветовала мне керосином помыть, потому что если есть вши, то мыло не всегда может помочь, и, расщедрившись, дала в придачу маленькую баночку с жидкостью.

– Только осторожно! – кричала она сквозь шум прачечной. – Отдай это воспитателю прямо в руки. Сначала дустовым мылом пусть помоеет, а если вши не уйдут, через два дня можно керосином натереть, и то не факт, что насекомые сразу уйдут.

Счастливая своей чудесной находкой, я притащила все сокровище Майе и обстоятельно рассказала, что мне посоветовали. Правда, при чем здесь вши, никто не понял. Да и не до них было. Так и поступили, как баба Ньюра посоветовала – она авторитет, просто так не скажет.

Майя с новым задором надраила дустом стены, вслед ей Никитин хорошо натер их керосином – чего два дня ждать-то, – а мне оставалось помыть полы.

– Зачем их мыть, сами высохнут, – решила я. – Жара стоит на улице.

И, закрыв окна, с чистой совестью мы вышли...

После генеральной уборки в комнату около нашей веранды воспитанники средней группы не могли зайти. Вонь стояла такая, хоть топор вешай. И мы раньше времени срочно переехали в летнюю беседку. Оказывается, баба Нюра думала, что я мыло прошу для новеньких. У нас вновь прибывшим, для профилактики от вшей, головы мыли дустом. Получилось, что она меня не расслышала а я не знала, что дустовым мылом стены не моют. Называется: слепой у глухого спрашивал.

Когда любопытные удивлялись, почему так рано перешли на летний режим, наши насмешливо отвечали: «Вшей из группы выгоняем».

Глава 15. ЦЫГАНСКИЙ ЦИРК

Летом группа была разбита на несколько звеньев. Мое звено было самым маленьким, всего из четырех человек: я и трое моих товарищей – Зоя Дубинина, Витька Синикеев и Коля Никитин. С нами постоянно что-то случалось, поэтому к нам никто не хотел идти. И вскоре произошел очередной казус.

Каждому звену определили территорию, которая к восьми утра должна была быть чистой. Мы рвали на огороде полынь, из которой получались самые лучшие веники, и площадка наша блестела. Особенно если полить ее водой. Но трава в один прекрасный день закончилась. Что делать? Если двор не будет чист, наше звено попадет в черный список, а тут еще на утренней линейке объявили, что те, кто будет вести себя образцово, поедут в Москву, в цирк. Пришлось срочно искать веники за пределами детского дома.

Совершив разведку за городские дома, а затем и в поле, мы обнаружили целые заросли полыни – на территории, принадлежащей цыганскому табору. Цыган было легко узнать: женщины всегда в платках, у девушек длинные вьющиеся кудри до пояса, на плечах яркие платки, бижутерия. И обязательный атрибут каждой цыганки – длинная цветная юбка, да еще и не одна, а сразу несколько. Было немного не по себе и даже страшновато.

Помню, воспитатели часто нас пугали:

– Вот не будете слушаться, придут цыгане и утащат вас к себе в табор! И будете всю жизнь просить милостыню.

Цыган в городе недолюбливали и боялись. Все базары, ЦУМ города и публичные места были под их контролем. Зазеваешься – и твой кошелек у них в кармане. Гадалки владели гипнозом, и если попадались доверчивые люди, решившие узнать свою судьбу, то их обирали до нитки. Жители города без крайней необходимости старались с ними не связываться.

И нам было страшно идти в их логово, казалось, что это – черные люди с большими бородами, похожие на Карабаса-Барабаса. Но желание поехать в Москву и побывать в цирке перевешивало все остальное.

К этому времени, прочитав рассказ Чехова «Каштанка», я изнывала от нетерпения попасть в это чудесное место под названием «цирк», в котором детей развлекают умные животные. Да еще не где-нибудь, а в самой Москве!

Моя фантазия не давала мне покоя: я вдруг ясно представила, как веселый клоун подходит ко мне, берет за руку и ведет на арену. Рядом на задних лапках прыгают нарядные собачки, тигр, словно котенок, лежит у моих ног, а слон подает хобот и здоровается. Все зрители аплодируют моей храбрости, а наши задиры

мальчишки кидают к моим ногам цветы. Моя лучшая подруга Зоя Дубинина аж присвистнула.

У Зои вообще была привычка все время насвистывать какую-нибудь веселую песенку и отбивать на чем-нибудь, пусть даже на себе, барабанную дробь, – казалось, что без этого она уже не может жить ни минуты. Здесь еще не было другой моей лучшей подруги – Алмы Сариевой. Мы себя называли ансамбль «Трио». Зоя насвистывала и классно отбивала чечетку, я пела, а Алма подпевала. Если особенно не придирались, то получалось нормально. Мы как затынем втроем жалостливую песню про кошку, у которой «четыре ноги и позади длинный хвост, но трогать ее не могли за ее малый рост, малый рост», – из кинофильма «Республика ШКИД», – у воспитателей уши в трубочку скручивались: «Опять поете?» А мне эта песня нравилась. Только я могла так высоко брать ноты. У меня было красивое сопрано. И вообще мы мечтали: когда вырастем, создадим свой ансамбль, где исполнителями и музыкантами будем только сами.

У нас было много талантливых детей с хорошим слухом и голосами. И в школах на всех праздниках и концертах всегда выручали мы, детдомовские.

Свист Зои означал – я согласна!

Вечно шмыгающий носом Витька тоже подтвердил, дав свое согласие:

– Да, было бы здорово побывать в самой Москве.

А долговязому Никитину было все равно: «Каштанку» он не читал, а слонов и тигров на страницах учебника уже сто раз видел. Ему бы в джунгли попасть. Вот было бы здорово! У него и кличка была подходящая – Обезьяна. Казалось, что он родился на дереве. Все дети сидят себе тихо в песочнице, строят песочные замки, а воспитатели опять снимают Колю с дерева. Он прыгивал с двухметровой высоты – и хоть бы хны, ничего ему не было. Руки целы, и ноги. Мания такая была у нашего друга – лазить по всему, что выше него.

– У тебя что, ноги резиновые? Ох, и доведешь когда-нибудь меня до инфаркта, Никитин, – нервно говорила наша воспитательница.

Перед походом я еще раз для убедительности переспросила:

– Кто «за», чтобы поехать в цирк?

Все дружно подняли руки.

На следующий день мы решились. В пять утра табор еще безмятежно спал. Рядом, метрах в пятидесяти от лагеря, протекала речка, и легкий ветерок доносил запах сырости. Туман, рассеиваясь, росинками ложился на листья, траву и нашу одежду.

Весь лагерь был бы виден, как на ладони, но высокая густая полынь скрывала его от чужих глаз со всех сторон, словно щит. На открытом воздухе, прямо на земле, застеленной кошмами и одеялами, спали люди. Чуть дальше был раскинут небольшой шатер. Ночной костер уже догорал под слоем тлеющих углей. Рядом стояли лошади на привязи, несколько телег, и вдали виднелся привязанный к дереву бык.

Еще раз осмотрев местность со всех сторон, мы удостоверились, что в лагере тихо и спокойно. Вокруг – полыни сколько хочешь, рви – не хочу.

– Кому она нужна, кроме нас? – сказала я вслух, стараясь убедить своих товарищей. – Нам еще и спасибо скажут, что почистили территорию от сорняка, помяните мое слово.

Товарищи, услышав мою страстную речь, воспряли духом.

Тут вспомнилось, как наше звено вечно отрабатывало на огороде за очередную проделку. Все играют, а мы грядки с помидорами да баклажанами пропалываем. Но ничего, в этот раз все будет наоборот, надо только хорошо постараться.

– Вот повезло кому-то – дармовая рабочая сила, – прокомментировал ситуацию Синикеев. – Если бы не цирк, меня бы здесь ни за что на свете не было. Ты погляди, спят тут себе спокойно, хоть в пионерский горн дуди, а мы паши на их грядках. Хоть бы одна собачка тявкнула, – съязвил Витька не к месту.

– Типун тебе на язык, Синикеев, – оторвалась от дробы по груди барабанщица Зоя. – Сейчас накаркаешь на нашу голову.

Но деваться некуда. Раз пришли, надо действовать. Спокойно нарвали травы и тихо ушли, и действительно, ни одна телега вслед не скрипнула.

В детский дом мы шли счастливые, наша мечта была совсем близко. Каждый думал о своем. А я в своих фантазиях была уже в Москве, чувствовала запах цирковой арены, слышала в свою честь фанфары и сидела на спине большого слона.

Полыни хватило на два дня, и через день мы уже смело шли добывать веники в заветном месте.

Пришли рано, было еще темно, и рвали траву на ощупь, на этот раз с запасом. Когда туман рассеялся, я обнаружила, что находимся мы не там, где были на днях.

Наше звено как пришло тихо, так же незаметно исчезло. И все бы ничего, но по дороге наши обнаружили яблоньку. На ней висели красные яблоки, и трава вокруг была усыпана плодами. Но вот беда: к стволу дерева был привязан здоровый бык. Животное, заметив нас, стало рыть копытом землю.

Бык был страшен. Низко наклонив голову, он грозно тряс рогами, угрожая разнести все вокруг в пух и прах и не давая подойти ни на шаг ближе. Из пасти показалась пена.

Дерево содрогалось от ярости животного. Яблоки, срываясь с ветвей, летели в разные стороны, ударяясь о землю и разбрызгивая сладкий сок. Невозможно было оторвать глаз от заветных плодов, желание их собрать разгоралось все больше и больше, но также усиливался и глухой рев животного, бык взмок так, что от него шел пар. Я оглянулась: тишина, лагерь спокойно спит, окутанный густым туманом.

«Хорошо, что бык лаять не умеет», – подумалось мне в этот момент.

Не отрывая взгляда от спелых плодов, мы позабыли все на свете. Москва сейчас была далеко, а яблоки – вот они, близко, дразнят ароматом, манят, просятся в рот. И уйти просто так невозможно. Вот тут-то и пригодились обезьяньи навыки Кольки.

У меня появился план.

– Коль, ты те яблоки, что лежат возле быка, хочешь съесть?

– Еще бы! Кто же не хочет! Только как их достать, глянь, какая морда у скотины!

– Колька показал, увеличив размер в три раза. – На рога поднимет, мало никому не покажется!

– Глаза боятся, а руки делают! – говорю ему. – Слушай внимательно! Я встану недалеко от быка, чтобы он меня видел, и буду отвлекать его. А ты лезь на яблоню и попробуй отвязать быка. Место здесь болотистое, он помчится в мою сторону и увязнет. К этому времени я успею ноги унести. Синикеев и Зоя будут стоять на страже возле лагеря, если кто проснется, они свистом предупредят нас.

– А потом что бык будет делать? – недоумеваю, спросил Колька, думая почему-то о животном, а не о том, куда я денусь, если что-то пойдет не так.

– Никитин! Бык – не собака, зачем ему яблоки стеречь? Почувствовав свободу, спокойно пойдет травку щипать.

Не успели все стать по местам, как Никитин легко запрыгнул на дерево и, не дожидаясь моего сигнала, отвязал веревку. Через минуту бык оказался на свободе.

Не видя, что происходит, я спокойно шла до назначенного места, как сверху послышался крик Кольки:

– Тома, беги, бык отвязан!

Предупреждение прозвучало слишком поздно. Бык на всех парах мчался в мою сторону. Услышав дыхание зверя за спиной, я оглянулась. Огромная махина была почти рядом, в трех метрах от меня, глаза красные, словно налитые кровью, а рога от близости животного сейчас казались невероятных размеров. Сбежать я бы просто не успела. Секунда – и что было бы со мной, никто не знает. Но животное споткнулось о камни и с разбегу плюхнулось в холодную речку, воткнувшись мордой прямо в мои ноги.

Пока он поднимался, скользя копытами по гладким, илистым камням, пыл его угас, а я оказалась на единственном дереве, осторожно наблюдая сверху, куда удалялось животное.

Как я взобралась на яблоню, не помню, но ошеломленный Колька, словно рыба, открывал рот, пытаясь что-то сказать, и наконец, заикаясь, выдавил:

– Ну ты даешь!!! Даже я так по деревьям прыгать не могу.

Но я абсолютно не помнила этот момент.

Получилось так, как я и предполагала: бык, почувствовав свободу, помчался туда, откуда доносилось мычание коров.

Чимкент в то время был небольшим городком. Уже за пятиэтажками, которые окружали детский дом, был пустырь, а дальше стояли частные дома. Набрав яблок за пазухи, мы, довольные вкусной находкой, вернулись. Естественно, по дороге все яблоки были съедены, и о нашей проделке никто ничего не узнал.

То, что я нарвала, не походило на полынь, растение было высокое, листья резные и редкие, не как у полыни, трава оставляла много мусора. Пришлось мести двор тем, что было, а затем мы собрали остатки травы и выкинули на огород.

Вкус сладких яблок не давал покоя, поэтому мы еще раз вернулись за яблоками, опять отвязав быка.

В таборе царил переполох. Происходили мистические вещи: исчезали яблоки, кто-то зачем-то рвал траву, отпускал быка, к которому, кроме хозяина, никто не мог подойти, даже кличка у него была соответствующей – Бешеный. Эти события наводили на цыган ужас.

Быка искали чуть ли не всем табором, находили, но боялись к нему подойти. Мужчины, женщины и дети что-то громко кричали на своем языке и тащили на веревке упирающуюся корову, без которой ничего нельзя было сделать. А позади нее, издавая глухой рев на всю улицу, шел грозный бык, размахивая большущими рогами, угрожая раскидать и растоптать любого, кто посмеет прикоснуться к его избранице. Шум стоял, как на базаре.

Горожане из любопытства повыходили на балконы и, глядя вниз, сгорали от смеха, дожидаясь финала, а наши, повиснув на заборе и раскрыв рты от изумления, смотрели на дорогу, по которой тащили упрямых животных.

– Вот это, да! Прямо настоящий цирк! И в Москву ехать не надо! – протянул мечтательно кто-то.

Оказалось, что нас заметили ранним утром с охапками травы...

Ничего не подозревая, мы играли на площадке, когда наше звено вызвали к заведующей. Обычно это случалось, когда происходило что-то из рук вон выходящее. Попав в кабинет, мы сразу обратили внимание, что там сидят чужие люди – мужчина и две женщины. Женщины были одеты в нарядные цветные платья, длинные подола которых почти касались пола. На мужчине красовалась круглая шляпа, из-под которой торчали черные кудри. Он внимательно разглядывал нас – глаза, как буравчики. Лица почти не было видно, оно сплошь заросло густой бородой.

Передо мной промелькнули события последних дней. Хотя было жарко и мы были в майках и трусах, меня кинуло в холодный пот.

– Ну вот, на вас пришли жаловаться представители цыганской диаспоры, – монотонным голосом произнесла Людмила Алексеевна, глядя все это время в окно и разглядывая в палисаднике свои ухоженные розы.

Поняв, что о нашей проделке каким-то образом узнали, все виновато уставились в пол. Но сначала нужно узнать, что им известно.

– А что мы сделали, Людмила Алексеевна?

– Как чито? – вдруг крикливо заговорила чужая женщина, сильно коверкая слова. – А кито животный мучил? Она за неделю потерял семьдесят килограмм, бегая по соседским коровникам. Почти четыреста весил, зарезать ми его на мясо хотели. Ми бедные люди, зачем нас обижать? – стыдя нас, жаловалась она, качая все время головой.

– Кто организатор? – перебил бородатый мужчина этот сбивчивый крик.

В вопросе слышалось недоумение и любопытство. Ему очень хотелось узнать, чьих рук это дело. Он подозревал какой-то подвох: как можно поверить, что эта голопузая малышня проникла на его территорию и учинила там разгром?

Все молчали. Здесь своих не сдают. Наконец оторвав взгляд от своих любимых роз и указав на меня пальцем, Людмила Алексеевна железным тоном приказала:

– Назови людям свою фамилию, пусть знают героев в лицо! – съязвила она.

Я виновато что-то пробормотала под нос.

– Повтори громче, люди не слышат, что ты там мямлишь, Мумбетова! – пердразнила меня заведующая.

Я терпеть не могла, когда фамилию намеренно искажали.

– Умбетова моя фамилия, от слова Ум-ная!

Людмила Алексеевна, поперхнувшись, закашлялась в ладонь.

– Простите нас, пожалуйста, – шмыгая носом, жалобно прогундосил Витька.

– Мы больше не будем обижать бедную диаспору!

Бородач чуть не подпрыгнул на стуле.

– М-да, жарко тут у вас, – произнес он на чистейшем русском. – Что с них взять?

Досадливо махнув рукой в нашу сторону, он что-то сказал женщинам на своем языке, и они молча удалились из кабинета.

После этого случая табор, много лет промышлявший своим старинным ремеслом в Чимкенте, в срочном порядке покинул город.

Это была главная новость в городе. О ней говорили на каждом углу.

– Мария Ивановна, вы слышали, цыгане уехали в другой город? Не стали ругать нас, пожалели. Я слышала, как главный цыган сказал: «Жарко тут у вас, что с них взять».

– Ну да, пожалел волк овцу! – усмехнулась она, отвечая на мой любопытный вопрос. – Их ищет милиция, и если найдет, то им придется ехать на север, а там не жарко. Он вас прощупывал, хотел узнать, кто дал вам сведения о запретной траве.

– Какой траве?

– Вы принесли коноплю вместо полыни.

– А кто узнал, что это конопля?

– Кто, кто! Наши вездесущие старшекласники, а от них милиция. Только никто понять не мог, откуда она попала к нам. А когда на вас пришли жаловаться, сразу все стало на свои места. Эту коноплю вся милиция города искала, а тебе найти ее получилось на раз плюнуть. Вечно ты в какую-нибудь историю вяпаешься! Даже

цыгане сбежали от тебя из города, – вздохнув, закончила она свой поучительный монолог.

«Так, значит, благодаря нашему звену обнаружили коноплю?» – подумала я, не совсем понимая, что это за трава. У меня появилась надежда, что наше звено могут взять в цирк и даже наградят медалями. Однако ожидания мои не оправдались. Вскоре все воспитанники собрались ехать в Москву, но нас в этом списке не оказалось.

– А почему мы не едем? – спросил Витька Синикеев, наивно надеясь, что это чья-то ошибка.

– А зачем вам далеко ехать? У вас главный клоун в звене есть, – ответила вожатая, – вот пусть она вам цирк и показывает!

Глава 16. БЕДНАЯ ЛАСТОЧКА

На улице стояла жара, лето в полном разгаре. Мы, голопузая малышня, в панамках и трусах беззаботно носились по пыльным улицам. Все время хотелось пить, и чтобы лишний раз не бегать в свою группу, где бесконечно ворчала нянечка, следившая за чистотой, подбегали к шлангу, что лежал на цветнике, и пили прямо из него. Вода была вкусная, и пить ее было одно удовольствие.

Вдруг кто-то из ребят обнаружил в цветнике беспомощную раненую ласточку. Новость разнеслась по всему детскому дому. Сгорая от любопытства и оставив игры, мы помчались посмотреть на птичку. Узнав от воспитателей, чем питаются ласточки, дети бросились ловить комаров. Суматоха стояла весь день. Цветник с розами, за которым заботливо ухаживала наша заведующая Людмила Алексеевна, – место скопления комаров – весь вытоптали, и он выглядел так, будто по нему пробежало стадо бизонов. Не до роз сейчас – надо спасти раненую ласточку! Очередь желающих накормить подранка была большая. Старшеклассники к птичке никого не подпускали, забирали улов у тех, кто приносил комаров, и сами ее кормили.

На третий день ажиотаж вокруг раненой ласточки наконец утих. Дождавшись своего часа, мы с двумя подружками пробрались в комнату, где устроили птичку. В углу, под окном, в картонной коробке сидела настоящая живая ласточка размером с мою ладошку. Спинка ее была черная, крылья переливались синим перламутром, грудка белая, а клюв окантован желтой полосой. Она часто дышала, открыв клюв. Мы отдали ей весь свой комариный запас, и птичка быстро его проглотила.

Все с любопытством разглядывали гостью. Я взяла птицу в ладошки и почувствовала, как часто бьется ее крохотное сердце. Птичка не трепыхалась и спокойно сидела в моих руках. Развернув ее, мы обнаружили ранку на одном из крыльев – это крыло уже было обработано зеленкой и беспомощно болталось.

Тут я обратила внимание, что ласточка открыла клюв и опять стала часто дышать. Я вспомнила собаку на хоздворе. Когда она так дышала, сторож Николай наливал ей воды в миску.

– А может, она пить хочет? – спросила я.

– Точно, пить хочет, – подтвердила мои предположения подруга. – Нужно дать ей воды.

Мы стали искать воду. Выходить нельзя – нас могли обнаружить, и тогда влетело бы по самое не хочу за то, что мы самовольно, без разрешения, проникли в комнату. В шкафу я заметила аптечку.

Вытащив пузырек с мутной водичкой, я, гордясь своей находкой, предложила:

– Девочки, а давайте нашу птичку напоим этим!

От водички пахло лекарством, но это никого не смутило. Жалость к подранку не давала покоя, и хотелось поскорее утолить ее жажду. Чувствуя себя ответственными за судьбу ласточки, мы, как и старшеклассники, тоже желали ей скорейшего выздоровления. Напоив птичку каплями воды, со спокойной совестью вышли из комнаты.

К обеду пронеслась ужасная весть: кто-то отравил ласточку валерьянкой, и она умерла. Дотошные старшеклассники стали расспрашивать всех и выяснять, кто последний заходил в группу. Дошла очередь и до меня. Не подозревая, что произошло с птичкой, я подробно рассказала, что мы утром делали. Нашла пузырек и показала, как героически боролась за жизнь птички и спасала ее от жажды.

– Я первая заметила, что птичка хочет пить, – не забыла похвастаться я своей смекалкой.

Изумленные моим неведением, старшеклассники стояли, раскрыв рты. Тут я совсем осмелела и добавила:

– Вот вырасту, стану доктором всех птиц.

Колька Милютин с иронией переспросил:

– Айболитом, что ли?

– Ну да! – расхрабрилась я, не чувствуя подвоха.

Наконец мне сообщили причину допроса и в конце добавили, что в результате моего «самовольного героического» поступка ласточка погибла. Помню, какой я испытала шок. Это было ужасно. Мне хотелось плакать, так было жаль крохотную птичку. Я не хотела верить тому, что птичку отравила я. Вдобавок к этому мне объявили бойкот, и я весь день была изгоем общества. Все отвернулись, и никто не хотел со мной разговаривать, даже наша сопливая малышня. «Так мне и надо», – думала я. Никто не догадывался, как сильно переживала я за маленькую птичку, которую совсем недавно держала живой в руках.

Потом происшествие забылось, но урок один я усвоила: прежде чем что-то давать кому-то, надо узнать, что даешь.

Глава 17. МОЯ ТАЙНА

Я училась в третьем классе. Как раз в это время стали появляться шариковые ручки – для нас просто роскошь. Ручки были совсем не похожи на перьевые. Они не пачкали тетради, ими было очень удобно писать. Пластмассовый корпус надежно оберегал стержень с чернилами, и они не вытекали на тетрадь. Тогда это был «последний писк моды», особенно у нас, в детском доме.

У домашних детей такие ручки уже были, потихоньку они стали появляться и у старшей группы воспитанников детского дома. Кому-то их дарили, к некоторым приходили родители, оставляли денежки, и старшеклассники, даже забирая деньги у малышни, покупали себе модные ручки.

Как-то ночью меня разбудила Таня Киселева:

– Тома, пойдем со мной, я боюсь одна идти в туалет!

Все знали, что я – бесстрашный человек, поэтому, если моим подружкам ночью что-то было нужно, будили меня. А ночью, как известно, разбуди человека и попроси его что-нибудь сделать, – он сделает это, не задумываясь о последствиях, особенно ребенок.

Туалет находился на первом этаже: нужно было спуститься по лестнице и пройти через комнату старшей группы, где находились портфели и учебные при-

надлежности воспитанников. Моя подружка, словно зомби, подходила к сумкам, вытаскивала ручки и складывала их к себе в карман. Потихоньку и я вовлеклась в этот процесс. Вначале это были неосознанные действия, а затем пришел азарт.

Каждое утро на линейке сообщали об очередной краже ручек, но поймать тех, кто их совершает, не могли. А мне уже было трудно остановиться. Это болото засасывало все глубже и глубже, и без чьей-либо помощи выбраться я уже не могла.

Ворованные ручки мы продавали в школе одноклассникам и бежали в столовую, чтобы купить сладкое – коржики, булочки, пряники.

Дети быстро всему учатся, и в этом ремесле я была самой лучшей ученицей. Двигалась тихо, как тень, на цыпочках – никто не мог повторить эти движения. Казалось, что я не иду, а плыву, при этом не слышно было ни одного шороха. Люди не замечали, с каким проворством я в три секунды вытаскивала содержимое из их карманов и исчезала, словно это был не ребенок, а привидение. И еще это мне напоминало игру в шахматы. Здесь нужно точно просчитать свой ход и держать в уме еще несколько запасных – тогда приз твой. Один раз меня пытались поймать и наказать, но не получилось. А не пойман – не вор. Но лучше бы поймали...

Дальше пошло еще хуже: сначала с подружкой, а потом уже и одна, я с проворством очищала карманы школьников и учителей. У меня был нюх на деньги. Каким-то необыкновенным образом знала, в каком пальто лежат они, а где их нет. Мой двухлетний опыт воришки и интуиция, доведенные до совершенства, редко подводили меня. Найти деньги мне не стоило особого труда, казалось, они сами липли к моим рукам. Однажды я нашла в пальто своей учительницы три рубля. На рубль я купила коробочку леденцов – монпансье, а два рубля принесла и положила ей обратно в карман.

Мне нужны были всего двадцать копеек, и эти копейки я с легкостью вытаскивала из чужих карманов каждый день. Больше денег я не могла иметь, потому что некуда было прятать. Моя одноклассница Рита Титова делала домашние задания Витьке Самохвалову, и он платил ей. За каждое домашнее задание она брала с него по двадцать копеек. Потом с ней вместе мы бежали в школьный буфет и покупали сладости. Это были для нас большие деньги. Когда она спрашивала, откуда у меня деньги, я говорила, что нашла, и мне верили.

У нас в детском доме была Елисеева Наташа. Один раз мы пошли в парк, и она нашла в траве кошелек с деньгами – целых 23 рубля. Людей в парке не было, и воспитательница, не найдя хозяина кошелька, купила всем детям мороженое. К Наташе тоже липли деньги. Только она их находила, а я вытаскивала.

Если вовремя не остановиться, то отучиться от воровства очень сложно, практически невозможно. Я пыталась завязать, но сама уже справиться не могла. С деньгами расстаться не так-то легко, когда они просто лезут в твои руки.

Как-то утром на очередной линейке я услышала слова воспитательницы:
– Вы понимаете, как нам тяжело каждый раз выслушивать, что кто-то из наших детей ворует деньги из карманов учеников школы?! Как вам не стыдно! Вам не надо заботиться о том, что вы завтра будете есть, вы находитесь на полном попечении государства, а вот те дети, у которых вы таскаете деньги, остаются голодными на весь день!

У меня вдруг будто что-то щелкнуло внутри. Услышав, что из-за того, что я таскаю деньги детей, они потом остаются голодными, я обомлела. Я же не знала, что эти деньги детям дают на обед. Мне казалось, что они просто так лежат в карманах.

Поняв и осознав каждое слово, произнесенное воспитателем в то утро, я будто очнулась от глубокого сна. Мне впервые стало стыдно за свои поступки. Я поняла, что брать чужое – это и есть воровство. Первое время я еще не совсем понимала, что делаю, а когда дошло, было поздно – меня затянуло в это болото по самую шею.

Теперь я воевала сама с собой. Но бороться с многолетней привычкой и избавиться от нее за короткий срок просто невозможно. Это наркотик. Ты постоянно получаешь не только вознаграждение, но ощущения, дозу адреналина, за которым тебе хочется идти снова и снова. Воровство – это не только ремесло людей, добывающих и присваивающих себе чужое. Это болезнь, от которой нет лекарства. Ничего не поможет избавиться от воровства, если нет желания и силы воли. Я заходила в школу, и мой наметанный глаз сразу оценивал окружающую обстановку: я шла в ту сторону, где можно было пожить. Руки по привычке тянулись к добыче, я вынимала деньги – и убирала их обратно, на место. Они теперь жгли руки. Все время в памяти всплывал тот день, когда наша воспитательница четко и ясно определила мои действия, назвав их суть – воровство.

Мне, ребенку, который стал асом воровского ремесла, было нелегко отучиться брать чужое. Но постепенно, шаг за шагом, невероятными усилиями воли я вылечилась и забыла о своей болезни навсегда. Справедливость – это часть меня, она в моей крови. Я всегда вставала на защиту обиженных подруг или малышей. Да, меня ругали за какие-то проделки, я была упрямой, непокорной, настырной. Но воровкой? Я никогда ею больше не хотела быть.

Окончание следует.

